



XIV годъ

№ 13

годъ XIV

1883

Выходитъ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ въ ГРИ ЛИСГА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 26 марта 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москву черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и дру-
гие города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при
„Нивѣ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногор.
по 5 р. съ тысячи. для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ д. № 9

Рафаэль Санціо.

Художественный міръ Италіи устроилъ скромное торжество: празднованіе четырехсотлѣтняго юбилея со дня рожденія геніальнаго, несравненнаго Рафаэля. Конечно, въ этомъ празднику искусства будетъ участвовать ни одна Италія; художники всѣхъ странъ; всѣ истинные цѣнители высокихъ, образцовыхъ произведеній живописи несомнѣнно примутъ участіе и отдадутъ дань уваженія великому мастеру, до сихъ поръ восхищающему весь образованный міръ произведеніями своей кисти, столь-же еще обаятельной и блестящей, какою она была въ эпоху папъ — Юлія втораго и Льва десятаго. Всѣ эти безчисленныя рафаэлевскія мадонны, которыми можно любоваться въ различныхъ музеяхъ Европы, попрежнему блистаютъ какой-то неземной прелестью; по прежнему на стѣнахъ Ватикана поражаютъ васъ величіемъ и силой фрески Рафаэля и наконецъ въ каждой болѣе или менѣе знаменитой картинѣ



Рафаэль Санціо. По поводу 400-лѣтія со дня его рожденія. 1483 г. 25 марта (6 апр.).
По портрету, самимъ Рафаэлемъ, писанному грав. Гельштейнъ.

вой галлереѣ вы непремѣнно найдете какое нибудь произведеніе геніального Санціо, сохранимое какъ драгоценность, какъ безцѣнный предметъ восторженнаго, безмолвного созерцанія. И вся эта громадная масса чудныхъ, несравненныхъ произведеній была выполнена великимъ художникомъ въ какія нибудь семнадцать лѣтъ; вдохновеніе давалось ему легко и свободно; его творчество не требовало ни натугъ, ни усилий; это была вполнѣ геніальная, исключительная натура и потому исторія его художественного развитія исполнена высокаго интереса.

Рафаэль родился 25-го марта 6 апр. 1483 г. въ маленькомъ городѣ Урбино, гдѣ отецъ его, Джованни Санціо, пользовался большою извѣстностью какъ талантливый художникъ и зажиточный горожанинъ, много трудившійся для чести и пользы своей родины. Здѣсь-то въ Урбино, среди строго религіозной и нравственной семьи, провелъ Рафаэль свои первые детские годы и уже съ юныхъ лѣтъ изучалъ

подъ руководствомъ отца первые технические приемы живописи. Впрочемъ этими уроками Рафаэль пользовался недолго, такъ какъ въ 1491 году отецъ его умеръ, оставивъ его круглой сиротой. Но Рафаэль ревностно продолжалъ учиться избранному искусству, сначала въ мастерской Тимотео Вити, а потомъ у знаменитости того времени Петра Перуджино. Перуджино действительно былъ замѣчательнымъ живописцемъ и вліяніе его строгаго, серьезнаго стиля не могло не быть полезнымъ для молодаго, начинающаго художника. И Рафаэль, отличавшійся вообще скромностью и почтительностью, признавалъ своего учителя своимъ высшимъ авторитетомъ; онъ рабски копировалъ его произведения и достигъ въ этомъ такого искусства, что наконецъ его копіи нельзя было отличить отъ оригиналовъ; особенно ему нравились мадонны Перуджино и, копируя ихъ, онъ иногда безотчетно проявлялъ талантъ болѣе самостоятельный и сильный, чѣмъ былъ талантъ его учителя. Такъ появилась „Богоматерь читающая книгу“ — первое оригинальное произведение Рафаэля. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ работъ онъ наконецъ въ 1503 году приступилъ къ болѣе обширной задачѣ — къ выполнению большаго запрестольного образа „Вѣнчаніе Богородицы“ (*Lo Spoglio*) для перкви въ Читта ди Кастелло. Въ этомъ произведеніи онъ уже отрѣшился нѣкоторымъ образомъ отъ характера Умбрійской школы, строгаго, суроваго и холоднаго и внесъ сюда нѣчто совершенно новое и оригинальное: подвижность, экспрессію лицъ и искусную, свободную группировку фигуръ. На слѣдующій годъ мы видимъ Рафаэля уже во Флоренціи. Это переселеніе вѣроятно было вызвано громаднымъ художественнымъ интересомъ, который тогда представляла Флоренція, гдѣ уже блистали своими талантами Микель Анджело и Леонардо да Винчи и даже среди монаховъ Св. Марка былъ замѣчательный художникъ Фра Бартоломео, другъ пламенного Саванаролы, до самой его казни бывшій его вѣрнымъ другомъ и послѣдователемъ. Съ этимъ-то Фра Бартоломео Рафаэль сошелся прежде всего по прибытии своемъ во Флоренцію; отъ него онъ старался перенять блестящій колоритъ, а самъ училъ монаха перспективѣ, которая не всегда строго соблюдалась въ произведеніяхъ смиреннаго аскета-художника. Неустанно работая надъ своимъ художественнымъ совершенствомъ, Рафаэль, въ послѣдніе годы своей жизни во Флоренціи создалъ произведеніе, разомъ поставившее его имя на ряду съ лучшими мастерами Италіи. Это былъ запрестольный образъ, такъ называемая „Богоматерь подъ балдахиномъ“, находящаяся нынѣ во дворцѣ Питти. Здѣсь Богоматерь изображена съ божественнымъ младенцемъ, сидящимъ на высокомъ тронѣ и окруженою святыми: Августиномъ, Яковомъ, Петромъ и Бруно. Второй не менѣе замѣчательной его работой во Флоренціи было — „Положеніе въ гробъ Спасителя“, которое теперь находится въ Римѣ, въ палаццо Боргезе. Но вскорѣ совершенно неожиданно для Рафаэля открылось болѣе широкое, художественное поприще.

Папа Юлій II — страстный любитель искусствъ, старался привлечь къ себѣ въ Римъ лучшихъ художниковъ Италіи; въ это время Микель Анджело уже расписывалъ ему Сикстинскую капеллу, а Браманте началъ постройку громаднаго храма Св. Петра. Стѣнная живопись въ Ватиканѣ была поручена Рафаэлю и въ 1508 году мы видимъ его уже въ вѣчномъ городѣ, съ лихорадочною дѣятельностью принявшагося за свой обширный трудъ. При своемъ прибытии въ Римъ, Рафаэль нашелъ, что уже большая часть залъ Ватикана была расписана или расписывалась цѣлой толпой лучшихъ художниковъ. Ему предстояло начать работу съ такъ называемой залы совѣта „Sala de la Segnatura“, и онъ принялъ прежде всего за фрески, въ которыхъ хотѣлъ изобразить тѣ четыре могучія силы, которыя всегда управляли дѣятельностью человѣческаго духа: „Богословіе, Философію, Поэзію и Право“. И эти неясныя, абстрактныя понятія подъ его кистью явились во всей прелести жизни, во всемъ блескѣ реальности. Богословіе у Рафаэля воплотилось въ громадной картинѣ „Пренія о Св. Причастії“, гдѣ представленъ цѣлый сонмъ знаменитыхъ отцовъ церкви. Философія въ ея лучшихъ представителяхъ, изображена въ такъ называемой „Афинской школѣ“, Поэзія — это художники и поэты собравшіеся на парнасѣ подъ предводительствомъ самого Аполлона и наконецъ Право изображено въ лицѣ Юстиніана, дающаго законовѣдамъ свой *Sopus juris*, и папы Григорія IX, провозглашающаго свои декреталіи. Въ 1511 г. весь этотъ рядъ громадныхъ картинъ, не считая мелкихъ, служившихъ имъ какъ-бы орнаментами, былъ окончательно готовъ. Папа при первомъ же взглядѣ на работы Рафаэля оцѣнилъ ихъ какъ образцовые, гениальные произведения; онъ тотчасъ-же приказалъ уничтожить въ залахъ всѣ работы другихъ художниковъ, чтобы замѣнить ихъ картинами Рафаэля, и даже сбить со стѣнъ рисунки Антонія Верчелли, висѣвшіе выше, чтобы они не портили союю общее впечатлѣніе. Кромѣ того папа, въ знакъ своего уваженія къ гениальному артисту, приказалъ ему расписать и вторую залу и кромѣ того позволилъ снять съ него портретъ. Рафаэль исполнилъ послѣдній такъ живо и натурально, что, по рассказамъ современниковъ, при взглядѣ на портретъ многие дрожали отъ страха какъ при взглядѣ на могущественный и суровый подлинникъ.

Помѣщена въ этомъ № и копія картины Рафаэля т. н. Мадонна д'Альба, знаменитая картина купленная въ 1836 г. для Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ за 14 т. ф. ст. по курсу до 10,000 рублей.

Второй рядъ стѣнныхъ картинъ Ватикана, исполненный Рафаэлемъ въ періодъ отъ 1512 до 1514 года, былъ именно замѣчательнъ по богатству фантазіи и мастерству выполненія. Это были, теперь всемирно известныя по гравюрамъ и копіямъ, „Изгнаніе Геліодора изъ храма“, „Чудо во время мессы въ Больсенѣ“, „Атила въ Римѣ“ и „Освобожденіе Ап. Петра изъ темницы“.

Талантъ Рафаэля былъ теперь въ полномъ развитіи и онъ даже пріобрѣлъ новыя, неприсущія ему прежде качества; въ немъ проявилась какая-то возвышенность и благородство, которыя, какъ предполагаетъ Вазари, онъ заимствовалъ у своего гениального современника Микель Анджело, скрытно посѣща съ Браманте Сикстинскую капеллу, когда суровый и гордый художникъ, поссорившись съ папой, долженъ былъ бѣжать во Флоренцію. Впрочемъ благородства и возвышенности своей кисти Рафаэль могъ добиться и другимъ путемъ: постояннымъ изученіемъ антиковъ, а также громаднымъ, столь ему свойственнымъ трудолюбиемъ. Работая постоянно онъ успѣвалъ не только выполнять въ скорое время самые громадные и разнообразные заказы, но и учиться искусству серьезно и основательно. Только одна любовь отрывала его иногда отъ занятій, и эта любовь, глубокая и сильная, ставшая предметомъ многихъ легендъ и рассказовъ, не можетъ быть пройдена молчаніемъ. Предметомъ ея была простая девушка, которая въ народномъ преданіи названа буличницей (*La Fornarina*). Художникъ сошелся съ ней вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ, и эта черноглазая, съ сильно развитыми формами, чисто римская красавица вполнѣ овладѣла его сердцемъ, и даже самая блестящая партія, въ родѣ племянницы кардинала Бабіены, не могли поколебать привязанности Рафаэля къ его простой, наивной Форнаринѣ, которой присутствіе и ласки часто спасали его отъ апатіи и лѣни. Такъ когда богатый римскій банкиръ Гиги поручилъ Рафаэлю расписывать свою виллу, то онъ нарочно пригласилъ Форнарину присутствовать при работахъ, и великий художникъ дѣятельно трудился тогда съ удвоенной энергией и вскорѣ окончилъ всю живопись. Въ Римѣ Рафаэль вѣль роскошную жизнь принца; построилъ себѣ великолѣпное палаццо и постоянно былъ окруженъ толпой благоговѣвшихъ передъ нимъ художниковъ; даже когда онъ выходилъ на работу, то и тогда громадная свита молодежи не оставляла его и слѣдовала за нимъ по улицамъ. Слава, почетъ, богатство — все пришло къ Рафаэлю разомъ. Папа глубоко уважалъ его и высоко цѣнилъ его гениальность; римская знать подобострастно за нимъ ухаживала, а старые художники, затаивъ злобу, должны были противъ воли признать превосходство своего юнаго собрата по искусству, и одинъ изъ нихъ Франческо Райболини, какъ говорятъ, умеръ даже отъ зависти къ славѣ и таланту Рафаэля. Даже за предѣлами Италіи имя Рафаэля пользовалось почетомъ между художниками, и самъ даже Альбертъ Дюреръ вѣль переписку съ гениальнымъ итальянцемъ и даже прислалъ ему портретъ, писанный гуашью.

Въ послѣдніе годы царствованія папы Юлія II, Рафаэль кромѣ другихъ картинъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, написалъ для монастыря Монте-Оливато въ Палермо „Несеніе креста“, образцовое произведеніе, имѣвшее довольно странную судьбу. Корабль, который везъ его въ Палермо, былъ застигнутъ страшной бурей и погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Картина, замкнутая въ ящикѣ, долго носилась по волнамъ, пока не пристала къ берегамъ Генуи. Здѣсь ее вытащили рыбаки и нашли совершенно неповрежденной, но долго еще палермскіе монахи не могли получить ее, пока вмѣшательство папы не помогло имъ снова добыть свою драгоценную собственность. Папа Юлій II не дожилъ до осуществленія всѣхъ своихъ грандиозныхъ художественныхъ проектовъ, но къ счастію послѣдніе не погибли, такъ какъ преемникъ его, Левъ X, былъ также страстный любитель всего изящнаго и не щадилъ издергектъ, когда дѣло шло объ искусствѣ, блескѣ и роскоши. Рафаэль также сдѣлался вскорѣ его любимцемъ и по смерти Браманте папа назначилъ его даже главнымъ распорядителемъ работъ по собору св. Петра. Но и при этой трудной обязанности, гениальный художникъ все таки находилъ еще время украшать Ватиканъ своими художественными работами; составляя ихъ планъ, самъ дѣля первоначальный рисунокъ и поручая своимъ многочисленнымъ ученикамъ лишь дорисовывать имъ начатое. Такъ возникли въ Ватиканѣ его известныя историческія композиціи: „Морская побѣда христіанъ надъ сарацинами въ гавани Остії“, „Пожаръ въ Борго (часть Рима), остановленный благословеніемъ папы“, „Коронованіе Карла Великаго“ и „Пораженіе язычества христіанствомъ въ лицѣ Константина“. Всѣ эти картины, кромѣ своего исторического интереса, представляли еще ту особенность, что въ нихъ Рафаэль представилъ подъ видомъ различныхъ знаменитостей всемирной, исторіи своихъ современниковъ: папу и его приближенныхъ. Кроме живописи въ залахъ, Рафаэль украшалъ своими фантастическими рисунками, въ строго античномъ вкусѣ лѣстницы и галлерей Ватикана, такъ называемыя Loggia. Въ этихъ пестрыхъ, почти миниатюрныхъ орнаментахъ видны самыя замысловатыя фигуры многочисленныхъ животныхъ, плодовъ и расте-

пій, писанныя болшею частию его талантливымъ ученикомъ Іоанномъ Удинскимъ. Кромѣ Ватикана Рафаэль въ тоже время расписывалъ палаццо Гичи и создалъ здѣсь свою знаменитую фреску „Тріумфъ Галатеи“, въ которой богиня изображена бѣдуща на дельфинахъ и окруженою тритонами, нереидами и амурями, а также нарисовалъ цѣлый рядъ сценъ, взявъ сюжетомъ для нихъ любовныя приключенія Психеи и Амура. Но всѣ эти граціозныя, шутливыя произведенія не мѣшили ему порой изъ чисто языческаго міра подняться на высоту христіанскої идеи и неподражаемо изобразить божественный ликъ Богоматери и предвѣтнаго младенца. Въ эту эпоху Мадонна Рафаэля приняла болѣе строгій, величественный характеръ, напоминающій собою типъ римлянокъ, а на заднемъ фонѣ его картины чаще всего стали появляться виды Кампаны съ ея живописными развалинами. Тогда-то явились знаменитыя Мадонны Рафаэля: Мадонны Лоретская, дѣлла Седія, ди-Фулины, дѣль Печче. Кромѣ того въ 1513 году Рафаэль написалъ для Болоньи большой запрестольный образъ „Святая Сесилія окруженнная святыми“ и другой малаго размѣра „Видѣніе Іезекіила“ (см. стр. 300), котораго „видѣнія“ и пророчества вдохновили художника. Здѣсь уже видно вліяніе Микель-Анджело—мощныхъ и грандіозныхъ фигуръ его апостоловъ и пророковъ Сикстинской капеллы. Въ послѣднія шесть лѣтъ жизни Рафаэль болшею частию писалъ своихъ Мадоннъ уже не одинокими, но окруженными группами святыхъ и всѣми членами Святаго Семейства св. Іосифомъ, Іоанномъ, Елизаветой. Этимъ же характеромъ отличается и геніальное произведеніе Рафаэля этой эпохи „Мадонна Сикстинская“, коція съ которой помѣщена въ этомъ №, составляющая до нынѣ безцѣнное укращеніе Дрезденской галлереи. Здѣсь Богоматерь съ предвѣтнымъ младенцемъ на рукахъ паритъ въ облакахъ, окруженнная сияниемъ; внизу же созерцаютъ безмолвно и благоговѣйно ея славу св. Сикстъ и св. Варвара. По отзыву всѣхъ знатоковъ, Сикстинская Мадонна—предѣлъ искусства, та конечная грань, которой можетъ когда либо достигнуть художникъ. Но у Рафаэля творчество не требовало особыхъ усилий, и создавъ быстро, легко, безъ всякихъ даже этюдовъ, Сикстинскую Мадонну, онъ тотчасъ же приступилъ къ другимъ работамъ, неподражаемо написалъ „Несеніе креста“ и „Вѣнчаніе Богоматери“—и кромѣ того мастерски выполнилъ цѣлый рядъ портретовъ: папъ Юлія II и Льва X, кардинала Бабіенъ, Ингірамо, Кастильона и Іоанны Аррагонской. Кромѣ того въ 1515 и 1516 годахъ, Рафаэль по заказу папы занимался композиціей картоновъ для одиннадцати громадныхъ стѣнныхъ ковровъ, предназначенныхъ для Сикстинской капеллы. Эти ковры были заказаны во Фландрии и одинъ ихъ экземпляръ уцѣлѣлъ въ Римѣ, а другой въ Берлинѣ. Картоны же Рафаэля совершенно случайно отысканы въ Брюсселѣ Рубенсомъ, попали потомъ въ Англію и теперь составляютъ собственность Кенсингтонского музея. Содержаніе этихъ картоновъ строго классического рисунка, взято исключительно изъ священнаго писанія. Здѣсь въ яркихъ жизненныхъ картинахъ вы видите „Чудную ловлю рыбы“, „Врученіе ключей Петру“, „Іисусъ хромаго“, „Смерть Атанасія“, „Обращеніе Павла“, „Павель въ темницѣ“, „Жертвоприношеніе въ Листрѣ“, „Проповѣдь въ Аѳинахъ“, „Побіеніе камнями Стефана“ и „Вѣнчаніе Богоматери“.

Послѣднимъ, предсмертнымъ произведеніемъ Рафаэля—было его знаменитое „Преображеніе“. Сцена происходитъ на горѣ Фаворѣ; внизу у ея подошвы, среди группы учениковъ Спасителя, стоитъ мальчикъ, одержимый бѣсомъ, и они сострадательно смотрятъ на страшныя конвульсіи и бѣшенныя движения несчастнаго. Верхняя часть покрыта облаками, отдѣляющими такимъ образомъ земное зрѣлище отъ небеснаго; надъ облаками въ блескѣ и славѣ паритъ фигура Спасителя; по бокамъ его Моисей и Илья, а внизу видны распостертые на землю ученики, съ трепетомъ созерцающіе преображеніе своего божественнаго учителя.

Картина была едва окончена, когда смерть поразила Рафаэ-

ля. Онъ скончался въ марта 1520 года, 37 лѣтъ отъ роду, отъ воспаленія легкихъ, болѣзни очень частой и опасной въ Италии въ весенне время года. Тѣло умершаго было положено въ той самой залѣ Ватикана, где онъ имѣлъ привычку работать. Сзади его головы стояла его послѣдняя картина „Преображеніе“, во всемъ блескѣ туднаго, неподражаемаго искусства. Сосѣдство этого произведенія, полнаго жизни, говоритъ Вазери, съ холоднымъ, безжизненнымъ трупомъ великаго художника, наполняло всѣ сердца страшною, глубокою скорбью; плакалъ папа, плакало все населеніе Рима. Рафаэля похоронили въ Пантеонѣ, согласно его желанію; эпитафию написалъ знаменитый Бембо, но эти напыщеніе латинскіе стихи слишкомъ жалки и ничтожны для такого великаго, необъятнаго гения, какимъ былъ Рафаэль. Память обѣ немъ жива до сихъ поръ въ Римѣ и помимо велерѣчной эпитафіи; множество драгоценныхъ произведенійувѣковѣчиваются его здѣсь и даютъ ему бессмертіе, и не только здѣсь, но даже въ другихъ уголкахъ Италии, какъ напримѣръ въ Урбино, его родинѣ, память о Рафаэлѣ благоговѣйно сохраняется народомъ.

Урбино—это маленький городокъ среди пустынной, дикой мѣстности, такъ какъ неподалеку отсюда уже начинаются скалистые уступы Абруцкихъ горъ. Городъ расположенъ амфитеатромъ на крутої и одинокой скалѣ и его контуры очень красиво выдѣляются среди садовыхъ рощъ, охватывающихъ его со всѣхъ сторонъ своимъ зеленымъ поясомъ, какъ и видно на нашемъ рисункѣ на стр. 301. Надъ всѣмъ городомъ какъ бы господствуетъ старинный, суровый замокъ съ двумя островерхими башнями, а далѣе величественно поднимаются къ небу колокольня и куполь собора. На одной изъ пустынныхъ улицъ (Contrada del monte) возвышается мрачный, неприглядный домъ—мѣсторожденіе Рафаэля. Этотъ домъ былъ построенъ еще дѣдомъ великаго художника, а теперь составляетъ достояніе такъ называемаго Рафаэлевскаго общества, имѣющаго своей задачей благоговѣйно хранить все, что напоминаетъ о Рафаэлѣ. На наружной стѣнѣ дома, надъ окномъ видна латинская надпись, начертанная въ 1635 году однимъ изъ прежнихъ владѣльцевъ дома, архитекторомъ Музіо Одди, имѣющая тотъ смыслъ, что истинное величие можетъ зародиться въ самомъ ничтожествѣ и что потому нечего удивляться, что великій Рафаэль родился въ такомъ плохомъ, невзрачномъ домишкѣ. Вотъ эта надпись въ подлиннике:

Nunquam moriturus exigius hisce in aedibus
Eximius ille pictor Raphael natus est 6 Apr. 1483.
Venerare igitur hospes nomen et genium loci.
Ne mirere!
Ludit in humanis divina potentia rebus
Et saepe in parvis claudere magna solet.

Небольшая комната въ верхнемъ этажѣ, съ однимъ окномъ и сводчатымъ потолкомъ—это и есть то помѣщеніе, где впервые Рафаэль увидѣлъ свѣтъ. Убранство комнаты очень скромное; въ углубленіяхъ сводовъ висятъ лавровые вѣнки съ широкими бантами—приношенія итальянскихъ университетовъ и различныхъ корпораций; на стѣнахъ развѣшены фотографіи и гравюры съ произведеній Рафаэля. Оригинальной картины великаго художника здѣсь нѣтъ ни одной; небольшое изображеніе Мадонны, помѣщенное тутъ же на стѣнѣ, приписывалось прежде Рафаэлю, но теперь доказано, что это произведеніе его отца, Джіовани Санціо, который въ чертахъ Богоматери, какъ говорить преданіе, изобразилъ портретъ своей жены, а въ чертахъ Іисуса портретъ своего дорогаго Рафаэля. Граждане Урбино, какъ могли, почтили память своего знаменитаго земляка; именемъ Рафаэля они назвали улицу и небольшой свой театръ, а теперь готовятся къ открытію памятника въ честь великаго художника. Да оно и понятно: лишь Рафаэль Санціо составляетъ единственную гордость маленькаго, уединенного Урбино, и если сюда когданибудь явятся туристы, то конечно привлекаемые лишь этимъ магическимъ, бессмертнымъ именемъ.

ВЪ ЦВѢТАХЪ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

(Продолженіе).

VI.

Добрая бабушка умерла, отпѣла свою несложную жизненную пѣсенку, но сколько своею смертью внесла измѣненій въ жизнь Михаила Петровича, что ужъ конечно и не подозрѣвала, какъ не подозрѣвалъ ихъ и Михаилъ Петровичъ. Чуяла ихъ только „дѣвичья“ и она-то и высказалась Михаилу Петровичу въ этомъ направлении. Именно: „собравъ“ покойницу, омывъ и одѣвъ ее, положивъ въ залѣ, Дарья и ключница присѣли въ столовой отдохнуть и на досугъ всплакнули по усоп-

шей: славная, дескать, женщина была. Оно точно: барыня безъ собственной воли, которой не обладала, жила разумомъ Михаила Петровича, но за то полезная тѣмъ, что „старшинствомъ своимъ“ все же его защищала. Онъ хозяинъ, его разумъ правилъ, а не ея, но все же она, какъ ближайшая сродственница и человѣкъ въ лѣтахъ, передъ закономъ единственной руководительницей сироты внука состояла. А теперь что?.. Михаилъ Петровичъ, задумчивый и печальный, вошелъ въ столовую и при видѣ его сиротства и одиночества Дарья не удержалась и вздохнула, обративъ этимъ на себя вниманіе

барина. Михаилъ Петровичъ поднялъ опущенную голову и спросилъ:

— Что это вы?

Дарья пояснила свой вздохъ:

— Васъ, батюшка, жалѣющи вздохнула. За бабинькой жили, какъ за стѣной: покойница, не властивя ни надъ чѣмъ, отъ всякихъ напастей васъ защищала...

Онъ былъ разстроенъ смертью доброй бабушки, но невольно улыбнулся той очевидной несправедливости, которая высказалась въ словахъ Дарьи... О, люди! всѣ вы таковы, какъ эта Дарья... Живъ человѣкъ и нехорошъ, и глупъ, и безхарактеренъ, а умеръ такъ видно по пословицѣ, (Михаилъ Петровичъ ужъ просвѣтился въ пансионѣ Деврента латыни)—*de mortuis aut bene, aut nihil...* Онъ умеръ *сегодня*, но вспомните, что вы говорили *вчера*?.. Желалъ бы Михаилъ Петровичъ видѣть, какъ это, добрая, но безхарактерная бабушка, могла защитить его отъ какихъ либо напастей! И онъ внушилъ Дарьѣ:

— Бабушку жаль не потому, что она защищала меня отъ чего нибудь... И могла-ли она защитить отъ чего?.. Какой вздоръ: милая старушка была совершенно на это не способна... *Меня* тутъ жалѣть не причемъ...

Тогда Дарья воскликнула:

— Какъ не при чемъ, батюшка?.. За бабушкой, что за стѣной жили: теперь не дадутъ вамъ жить по своей волѣ...

— Кто же это можетъ сдѣлать?

— Правительство;—(Дарья не умѣла выразиться специальнѣе): вотъ кто! Назначать вамъ замѣсто бабушки другаго опекуна...

Вмѣшалась ключница:

— Опекуньшу, какого опекуна!.. Тетеньку Настурцію, кого кромѣ-то...

Михаилъ Петровичъ слушалъ. Тетеньку Настурцію! вотъ какъ... Онъ отлично помнилъ эту особу, въ дѣйствительности не Настурцію, а Настасью Михайловну Перелетову, родную сестру его отца, когда-то посѣвшую ихъ домъ, но изъ за чего-то поссорившуюся со своей матерью, покойною Анной Ивановной и прократившую вслѣдствіе этого свои посѣщенія. Перелетова была вдова, имѣла двухъ дочерей, Сашеньку и Катеньку, одну четырнадцати, другую шестнадцати лѣтъ, отъ мужа получила небольшое состояніе и все свое вдовство только и знала, что съ обѣими дочками разѣзжалась по родственникамъ мужа, гостя, то у того, то другаго... Однажды, когда Перелетова пріѣхала къ матери, то послѣдняя, совсѣмъ даже не думая, назвала ее какъ бы ни съ того, ни съ сего „Настурціей“. Перелетова спросила:

— Съ чего это вы, маменька, такъ?

— Да ни съ чего: взяла, да и назвала.

Такъ название и осталось: тетенька Настурція,— и было даже, какъ объяснила потомъ Анна Ивановна, довольно кстати. Если обстоятельства вдовства и желаніе не растратить оставшійся послѣ мужа капиталъ не только заставили Настасью Михайловну перѣезжать отъ родственника къ родственнику, но даже согласовались съ ея фамиліей Перелетовой, то физіономія Настасии Михайловны очень походила на желто-оранжевую настурцію. Настасья Михайловна была дурна, какъ смертный грѣхъ, худа, морщниста и не только желта, но съ какими-то оранжево-красными пятнами на щекахъ вмѣсто румянца. При этомъ дама эта нещадно ломалась, растягивала слова, говорила громко и отличалась какою-то невообразимой опытностью, все умѣла и все знала, всюду совалась съ совѣтомъ и указаниемъ, за что ее и не долюбливала Анна Ивановна, совершенно подчинившаяся въ тоже самое время волѣ малолѣтняго внука, но не терпѣвшая совѣтовъ дочери, отчего между ними и произошла ссора.

Такова была тетенька Настурція, о которой теперь,

по смерти Анны Ивановны, вспомнили не съ особыеннымъ удовольствіемъ. Сообразили все, какъ должно: кому же, какъ не тетенькѣ Настурціи замѣнить было Анну Ивановну въ опекѣ надъ Михаиломъ Петровичемъ? ближе ее не было никого: это разъ. Тетенька Настурція опекуньша! но что это значитъ? Это значитъ, что она нагрянетъ съ Сашенькой и Катенькой, всѣ три поселятся тутъ же съ Михаиломъ Петровичемъ и ужъ конечно не дадутъ ему жить по своей волѣ, заведутъ новые порядки, *свои...* Каково это? Имъ это на руку: не больно пріятно таскаться изъ дома въ домъ, а тутъ, при Михаилѣ Петровичѣ лѣтъ шесть, а гляди и больше, пожить на даровыхъ хлѣбахъ можно... Шесть лѣтъ! Въ это время своихъ дочерей Настасія Михайловна можетъ успѣть замужъ повыдать, одна останется—глядишь такимъ бѣсомъ мелкимъ прикинется, какъ Михаилу Петровичу года выйдутъ, такъ-то его обведеть, что онъ и до смерти ей комнатку въ домѣ оставить, а можетъ пенсионъ даже какой положить... Не житѣ намъ, дѣвушки! заключила свои разсужденія Дарья и прибавила:

— Царство небесное покойницѣ Аннѣ Ивановнѣ: за ней, какъ за каменной стѣной жили!..

Михаилъ Петровичъ, впервые смолкнувъ передъ неопровергимыми доводами Дарьи и ключницы, въ молчаніи удалился въ свою комнату.

VII.

Дни проходили за днями: бабушку схоронили, помянули и снѣжная мятель нанесла сугробъ почти вровень съ перекладиной креста, поставленного надъ ея могилой, а о тетенькѣ Настурціи не было ни слуху, ни духу. Въ домѣ все шло заведеннымъ порядкомъ: по прежнему хояйничалъ Михаилъ Петровичъ, прислуга пребывала на своихъ мѣстахъ, Акъ росла и совершенствовалась въ краснорѣчи, только бабушки не было, опустѣло ея мѣсто за большимъ столомъ, гдѣ она по праздникамъ, въ длинные зимніе вечера, рѣзалась съ Михаиломъ Петровичемъ въ „мельники“ и „дураки“. Первое время было тоскливо и скучно, какъ бы все въ домѣ притихло, но потомъ мало по малу свыклись съ положеніемъ вещей и примирились съ смертью бабушки. Деньги велись еще взятыя изъ сиротскаго суда покойной Анной Ивановной, а о томъ что будетъ, какъ распорядится судъ, какъ-то перестали думать и за обыденными занятіями какъ бы даже обѣ этомъ позабыли. Очевидно было, что госпожа Перелетова не являлась до сихъ поръ потому, что по своему обычай отсутствовала изъ города, *перелетая* отъ родственника къ родственнику, изъ одного уѣзда въ другой, можетъ до сихъ поръ еще ничего не зная о кончинѣ матери и обѣ открывавшейся отсюда ей заманчивой перспективѣ привольнаго и осѣдлаго житѣя.

Но она явилась, и хотя этого должны были ожидать, но всетаки ея пріѣздъ вышелъ неожиданнымъ и какъ громомъ поразилъ всѣхъ. Случилось это въ отсутствіе Михаила Петровича и онъ узналъ о прибытіи тетеньки по возвращеніи изъ классовъ. Его сердце забилось недобрымъ предчувствіемъ, какъ только онъ вошелъ во дворъ своего дома и замѣтилъ слѣды полозьевъ по снѣгу, поворотомъ идущіе къ крыльцу. По ступенямъ валялась солома, дверь въ переднюю оказалась незапертою. Положительно, положительно тетенька Настурція пріѣхала!.. Онъ съ побѣднѣвшимъ лицомъ отворилъ дверь: да! она здѣсь... Длинная, какъ шесть, съ наклоненной внизъ головой, дѣвочка съ некрасивымъ лицомъ, выглянула изъ дверей залы, какъ-то закувыркалась головой, причемъ ея двѣ косы заболтались и запрыгали, и выглянувъ, скрылась обратно за двери: это Катенька... Никто изъ прислуги не шелъ ему по обыкновенію на встрѣчу; съ пріемѣрнымъ порядкомъ сдержанная передняя являла изъ себя какою-то невообразимый кавардакъ: тутъ очевидно

не только наставили чемоданы и наложили кульки, тутъ происходила радикальная ломка, перетаскиванье и перестановка. Новые хозяева входили въ домъ и устраивались по своему! Михаилъ Петровичъ стоялъ въ какомъ-то опѣпенїи, не снимая съ себя мѣховой шубки и набитаго ранца... Вдругъ что-то вскрикнуло въ его душѣ: кроватка Акъ, эта бѣлоснѣжная кроватка, на которой подъ прозрачнымъ кисейнымъ пологомъ столько ночей почивала ангельскимъ сномъ его милая малютка — вынесена, стоитъ тутъ же въ этой массѣ нагроможденной мебели, среди этихъ старыхъ, истасканныхъ чемодановъ и различныхъ кульковъ! Значитъ новыми хозяевами Акъ изгнана изъ свѣтленькой комнатки, которую онъ, дѣйствительный хозяинъ этого дома, отвелъ ей... О, онъ все бы простилъ, все бы перенесъ, но не это!.. Гдѣ-жъ малютка однако?..

Онъ сбросилъ пальто и ранецъ на полъ и не входя въ залъ, гдѣ предполагалъ встрѣтить тетеньку Настурцію, Сашеньку и Катеньку, вошелъ въ столовую. Тутъ на столѣ видны были слѣды завтрака: стояли тарелки съ обѣдками и обглоданными костями. Но столовая оказалась пуста, а также и дѣвичья, въ которую онъ вошелъ затѣмъ. Михаилъ Петровичъ уже думалъ сходить въ кухню и разузнать тамъ всѣ подробности, когда изъ-за лежанки, между которой и одной изъ стѣнъ былъ маленький промежуточекъ, онъ услышалъ боязливый шопотъ:

— Мись.

Это значило „Миша“. Онъ бросился къ этому уголку, гдѣ и увидѣлъ вѣроятно спрятавшуюся отъ неизвѣстныхъ людей Акъ, смиренно сидящую на скамеечкѣ, въ своемъ черномъ ситцевомъ съ бѣлымъ горошкомъ платьице и съ мягкими подошвами башмачками поверхъ черныхъ же чулочковъ. Акъ казалась сильно испуганною, даже при видѣ своего покровителя не рѣшалась заговорить вслухъ, но зашептала съ ужасомъ поводя глазками по направлению къ залу:

— Бука... тетя—бука.

— Не бойся, милочка.

Михаилъ Петровичъ взялъ ее на руки и внесъ въ столовую. Тутъ попалась ему несшаяся съ какой-то юбкой горничная и онъ гнѣвно накинулъ на нее, хотя она ни въ чёмъ не была повинна:

— Что у насъ за беспорядокъ?.. Гдѣ наши комнаты?.. Что здѣсь дѣлается наконецъ?..

Его непривычный, гнѣвный видъ, смущилъ повидимому не только горничную, но удивилъ и маленькую Акъ. Послѣдняя, забывъ о недавнемъ горѣ и страхѣ, все продолжая сидѣть на рукахъ своего маленькаго покровителя, отстранилась отъ него и разматривая его покраснѣвшее отъ гнѣва лицо широко раскрытыми, удивленными глазами, выказала благоразуміе не полѣтамъ, Она какъ бы поняла его гнѣвъ и обнаружила въ силу невѣдомыхъ соображеній попытку остановить и утишить его. Крохотною ладонью правой ручки, она гладила Михаила Петровича по щекѣ и шептала его имя съ укоризной:

— Мись, Мись!..

Ему стало чего-то совсѣмъ и онъ, изѣгая встрѣтиться глазами съ чистымъ взглядомъ маленькой Акъ, обращаясь къ растерявшейся горничной, понизилъ тонъ:

— Почему ее,—онъ указалъ глазами на Акъ,—держать въ передней?..

Горничная приблизилась къ Михаилу Петровичу, оглянулась, нѣтъ ли кого поблизости лишняго, и зашептала:

— Говорятъ, что ея мѣсто въ передней...

Этотъ тонъ кажется наэлектризовалъ Михаила Петровича, поднялъ въ его душѣ всѣ спавшіе до сихъ поръ непробуднымъ сномъ порывы гнѣва, пробѣжалъ какимъ то холодомъ по спинѣ и ударилъ ему въ голову. Онъ поблѣдѣлъ отъ гнѣва и его кроткіе глаза какъ-то покраснѣли, получили почти моментально воспаленный

видъ. Въ нихъ сверкнулъ огонекъ и, ударивъ свободною рукой по столу, Михаилъ Петровичъ крикнулъ на слова горничной:

— Кто это говоритъ?

Горничная чуть-чуть прошептала въ отвѣтъ:

— Тетенька-съ...

— Такъ скажите вы ей, что не этой крошкѣ мѣсто въ передней, а ей, вашей тетенькѣ Настурціи... Такъ и доложите ей... слышите?..

Онъ понялъ, что произошло что-то особенное. Горничная при его послѣднемъ окрикѣ какъ-то засуетилась, приняла такой озабоченный видъ и стала ни съ того, ни съ сего, бросивъ находившуюся въ ея рукахъ юбку, убирать тарелки со стола... Маленькая Акъ вдругъ охватила рученками шею своего покровителя и, упавъ лицомъ къ нему на грудь, въ какомъ-то ужасѣ, прижалась, точно ища защиты отъ нападенія... Все еще блѣдный и дрожащій отъ гнѣва, Михаилъ Петровичъ оглянулся вокругъ... Въ дверяхъ столовой стояла тетенька Настурція...

VIII.

Она была въ траурѣ, но не безъ прикрасъ, съ черными креповыми фрезами около шеи и у концовъ узкихъ рукавовъ. Прошли года, но на ней оставили мало слѣдовъ. Попрежнему она была худа и морщиниста, попрежнему отѣнки оранжевой настурціи окрашивали ея щеки, попрежнему дрожали ея костлявые, жесткія руки... Также ея глаза останавливались на всемъ, какъ бы мимоходомъ, скользили какимъ-то холоднымъ лучемъ по лицу того, съ кѣмъ она видѣлась и говорила, на самый короткій мигъ встрѣчаясь съ нимъ взглядомъ, видимо изѣгая этого. Тетенька Настурція отлично слышала гнѣвный возгласъ своего племянника, но не показавъ виду, шла къ нему, самымъ любезнымъ образомъ протягивая обѣ руки и сопровождая этотъ жестъ какой-то торопливой улыбкой.

— Здравствуй, Михаилъ Петровичъ. Довелось увидѣться, другъ мой.

Ея манера говорить была довольно оригинальна. Во первыхъ—она растягивала слова, обостряла или округляла многія буквы черезъ мѣру, а главное, въ большихъ периодахъ всѣ пояснительные предложения произносила, какъ бы въ скобкахъ, съ понижениемъ голоса и торопливо ускоренностью. Такое своеобразіе въ разговорѣ придавало послѣднему за разъ—и что-то шутовскіе и что-то мошенническіе, какъ бы стремящіеся нѣсколько сбить съ толку, запутать и провести своего собесѣдника.—Приблизившись къ племяннику, Настурція, глядя куда-то поверхъ его головы, своими дрожащими руками охватила эту послѣднюю и запечатлѣла на лбу Михаила Петровича родственныій поцѣлуй:

— Какъ поживаешь, другъ мой?

Онъ растерялся, застигнутый этимъ поцѣлуемъ въ расплохъ. Его гнѣва, его недавняго энергическаго отпора на распоряженія тетки, не осталось и слѣда. Дѣтскіе годы, непривычка борьбы съ мало знакомымъ лицомъ, вторгающимся совершенно произвольно, помимо его желанія и воли, въ область самыхъ нѣжнѣшихъ его симпатій,—взяли своё. Какая-то робость и смущеніе овладѣли всѣмъ его существомъ, смѣнивъ гнѣвъ, сознаніе неприкосновенности его воли и ненарушимости его распоряженій съ чьей-либо стороны,—чувствами совершенно противоположнаго характера. Его поблѣдѣвшее лицо мгновенно залилось краской, а сознаніе слабости въ борьбѣ съ врагомъ, стыда передъ этой прижавшейся къ нему Акъ, передъ этой только что съ гнѣвомъ опрошенной горничной, вызвали на его глазахъ слезы... Онъ какъ-то торопливо спустилъ съ своихъ колѣнъ Акъ и въ крайнемъ смущеніи всталъ передъ теткой, улыбаясь и потирая рукой обѣ руки.

— Какъ вы доѣхали, тетенька?

Она скользнула своимъ холоднымъ взглядомъ по его смущенному лицу, скользнула по изумленной Акѣ, оставленной своимъ покровителемъ и устремивъ взглядъ куда-то въ окно, стоя предъ племянникомъ, съ непокидающей ея безцвѣтныхъ губъ улыбкой, заговорила:

— Мы отъ дяденьки Михаила Прокофьевича... помнишь? Сашинъ крестный папа... Тамъ и обѣ маменькиной кончинѣ узнала, да скоро-ли оттуда выберешься: трауръ шаютъ, погодите, да погодите,—дяденька-то Сашу любить, почти какъ дочь она у него,—ну вотъ и догодили... Тутъ распутица пошла, стали ждать, какъ дорога установится. То, да другое, да третье—и вотъ мы здѣсь...

Она опять мимолетно скользнула по лицу племянника, но взглядомъ своихъ блѣдныхъ глазъ не задѣла на этотъ разъ какъ-то сумрачно наступившую на Михаила Петровича Акѣ. Тетенька вдругъ какъ бы вспомнила:

— Ты не видался съ кузинами?.. и не дожидалась отѣта со стороны племянника, крикнула: Саша! Катенька! подите сюда...

Катенька, успѣвшая нѣсколько пріодѣться въ недодѣющее до полу черное платье, длинная и несуразная, сходная съ матерью, но безъ оранжеваго оттѣнка, вошла съ какой-то насильственной улыбкой и нѣкоторой робостью, по своему обычай съ наклоненной внизъ головой и болтающимися за плечами бѣлобрысыми косами. Она неловко присѣла братцу и, смотря изподлобья своими бойкими глазами, привѣтствовала его:

— Здравствуйте, братецъ.

Сашенька появилась не сразу на зовъ матери и вошла совершенно непринужденно. Она держала себя уже взрослой дѣвицей, одѣта была въ платье съ трэномъ и окаймленная густой фрезой траурнаго крепа, отлично отличающаго ея свѣжий румянецъ, напоминала расцвѣтъ пышной розы. Сашенька пользовалась особенно благосклонностью мамашы за свою миловидность. Она была миниатюрна, довольно стройна и если не отличалась красотой, то, благодаря своимъ довольно густымъ, рыжевато-золотистымъ волосамъ, окаймляющимъ ея лобъ колечками и густо-розовому румянцу при вздернутомъ носикѣ—казалась очень миленькой... При этомъ Сашенька слегка косила, но скрывала свою косину постояннымъ прищуриваньемъ глазъ и часто подносимымъ къ нимъ, въ большинствѣ случаевъ безъ всякой надобности, золотымъ, складнымъ лорнетомъ, благодаря которому не только оставалась тайною для многихъ ея косина, но и зеленевато-серый цвѣтъ глазъ.

Сашенька подошла къ кузену бойко, держа лорнетъ у глазъ,—что показалось Михаилу Петровичу очень изящнымъ,—пожала ему руку и улыбнулась самымъ непринужденнымъ образомъ:

— Bonjour, cousin.

Положительно это была свѣтская особа и очень бойкая!.. Она повидимому держала себя съ матерью довольно самостоятельно, какъ взрослая, не такъ, какъ Катенька. Привѣтствовавъ кузена на французскомъ диалектѣ, она безцеремонно, разглядывая его въ лорнетъ, тутъ же въ его присутствіи, нисколько этимъ не стѣсняясь, высказалась къ матери, свое мнѣніе о немъ:

— Mais il est ravissant, maman... Tiens, ce n'est pas un bѣbe, un plакса, c'est un vrai adolescent...

И обращаясь къ нему по русски:

— Почему-то я представляла васъ крошечнымъ, а вы...

Она доказала кокетливой улыбкой самаго очаровательного свойства и взглядомъ, какъ бы сказавшимъ Михаилу Петровичу, что онъ какой, не крошечный,—мальчикъ конечно, но ужъ и не такъ, чтобы очень мальчикъ... Онъ попунцовѣлъ и стоялъ передъ этой кокетливой особой въ необычайно пріятномъ смущеніи. Мать и дочь обмѣнялись загадочными улыбками... И поправляя колечко волосъ на лбу:

— Однако что-же мы стоимъ здѣсь? спохватилась Сашенька,—пойдемте, cousin, въ гостиную... Если вы любите музыку, я вамъ съиграю и даже пожалуй спою...

Тогда всѣ двинулись изъ столовой въ гостиную, где со времени кончины Михаила Петровичевой матери, сохранился рояль Вирта изъ краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями. И увлеченный общимъ движениемъ изъ столовой, польщенный какимъ-то особымъ вниманіемъ этой красивенькой девушки, Михаилъ Петровичъ пошелъ вслѣдъ за другими, но не дойдя до дверей, давъ всѣмъ выйти, вспомнилъ о такъ малодушно и предательски брошенной одинокою маленькой Акѣ. Никогда онъ такъ не поступалъ съ малюткой!.. И онъ оглянулся... Акѣ, показавшаяся ему блѣдной, сидѣла какъ-то сгорбившись на прежнемъ мѣстѣ... Она не глядѣла въ его сторону, а уставилась съ какой-то суровой задумчивостью въ край стола... Точно сидѣло не дитя, а какая-то старушка въ черномъ платьице съ бѣлымъ горошкомъ. Въ комнатѣ не было никого кромѣ горничной, и Михаилъ Петровичъ урвался, чтобы безъ свидѣтелей, торопливымъ поцѣлуемъ загладить свою вину передъ крошкой... Не слышно ступая, онъ подбѣжалъ, чтобы ее поцѣловать и нагнулся къ ней:

— Милая моя Акѣ, я сейчасъ...

Акѣ въ какомъ-то ужасѣ отпрянула отъ склонившагося къ ней дѣтскаго лица, еще недавно столь любимаго, столь милаго ей... Точно не Михаилъ Петровичъ, не тотъ, кто до сихъ поръ воспиталъ ребенка, не тотъ, кто внималъ его первому младенческому лепету, склонился теперь къ ней, а точно какое косматое и страшное лицо вѣдьмы, чудовища какого нибудь, взглянуло на малютку и исторгло изъ него пронзительный плачъ, огласившій весь домъ. Михаилъ Петровичъ стоялъ точно оглушенный громомъ. На одно мгновеніе его взглядъ встрѣтился со взглядомъ маленькой Акѣ, въ которомъ онъ понялъ что-то, какъ бы его неузнавшее, считающее его чужимъ и незнакомымъ... Или это такъ показалось... Въ дверяхъ столовой мелькнуло красивенькое лицо Сашеньки.

— Мой Богъ!

Этотъ плачъ оглушилъ ее и съ гримаской она зажала уши, крикнувъ горничной:

— Вынесите этого ребенка въ кухню!.. Такъ можно оглохнуть...

И не успѣлъ Михаилъ Петровичъ опомниться, какъ послушная приказанію пріѣзжей барышни, горничная, одной рукой захвативши юбку, другою взявшъ маленькую Акѣ, понеслась съ нею въ кухню... Оглушительный плачъ ребенка, удаляясь, сталъ какъ бы жалобнѣе... Изъ свѣтлой комнатки съ бѣлосѣжной кроваткой, маленькая Акѣ въ теченіе менѣе чѣмъ полусутокъ сперва была переселена въ переднюю, а затѣмъ, по неумѣнью держать себя, сослана въ кухню... На Михаила Петровича нашелъ какой-то столбнякъ... Вдругъ нѣжная ручка дотронулась до его плеча и мелодическій голосъ вывелъ его изъ опѣренія:

— Идемъ, cousin... я вамъ съиграю... Или вы предпочитаете, чтобы я что нибудь спѣла?..

IX.

Нѣсколько часовъ тому назадъ, когда Михаилъ Петровичъ отправлялся въ пансіонъ господина Деврента, совсѣмъ не такою онъ оставилъ свою гостиную, въ которой жилъ съ бабушкой, какою нашелъ ее теперь. У нихъ съ покойной бабушкой все содержалось въ чистотѣ и порядкѣ, все было плотно прижато къ стѣнамъ и выстроено въ рядъ, все подъ чехлами, а тутъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, все измѣнилось, все стало не попрежнему, а иначе... Новопріѣзжія дамы устроились недурно, какъ-то уютнѣе и теплѣе, чѣмъ Михаилъ Петровичъ съ бабушкой... Чехловъ не было и въ поминѣ; мебель разметалась по ковру, обыкновенно



Мадонна д'Альба Рафаэля (въ СПБ. Эрмитажѣ). Гравир. Шаннемакеръ.

разстилавшемуся только въ самые торжественные дни; съ картинъ, съ бронзовыхъ канделябровъ закрывающей ихъ кисея снялась, рояль освободился отъ клеенки и былъ раскрыть, люпиръ выдвинутъ и на немъ стояли поты... Словомъ, все перемѣнилось — и гостиная съ яркоизлающею печью и зажженою лампой, на матовый шаръ которой кто-то спѣшно сдѣлалъ очень красивый розовый бумажный абажуръ въ видѣ тюльпана, — явилась совершенно обновленной. Три дамы въ черномъ сдѣлали эту комнату неузнаваемой.

— Такъ вы желаете, чтобы я спѣла... Хорошо-съ. Зажгите мнѣ свѣчи... Спички тамъ, около лампы... Какую школу предпочитаете вы?..

Сашенька въ розовомъ полуслѣдѣ гостиной модулировала изъ тона въ тонъ, перебирая аккорды и связывая ихъ легкими гаммами и выбирирующими tremolo, слегка раскачиваясь изъ стороны въ сторону, то припадая къ клавишамъ, то откидываясь отъ нихъ назадъ... Михаилъ Петровичъ зажегъ свѣчи на рояль и откровенно признался на вопросъ кузины:

— Я даже не знаю, о какихъ школахъ вы спрашиваете меня...

— *Il est naif!..* Слышите, маман? — Сашенька разсмѣялась серебристымъ смѣхомъ... Я говорю о музыѣ... Есть школа итальянская, французская... Наконецъ наша русская... Изъ какой вы желаете, чтобы я спѣла?

— Изъ какой вамъ угодно. Мнѣ все равно...

— „Все равно“! Слышите, маман?.. Маман, перебѣгающая изъ комнаты въ комнату, на ходу замѣтила племяннику:

— Ахъ, ахъ, Michel!.. Развѣ такъ можно говорить: все равно!.. Это невѣжливо...

Катенька, усѣвшись за столъ передъ лампой съ какой-то работой, прыснула со смѣху, за что впрочемъ получила немедленно отъ державшей ее въ строгости мамаши замѣчаніе, сопровождаемое суровымъ взглядомъ:

— Подавилась!

Катенька прильнула къ вышиванью и сдержавъ смѣхъ, осталась съ опущеною внизъ головою, только по временамъ украдкой слѣдя скользящимъ, быстрымъ, но проницательнымъ взглядомъ, чрезвычайно схожимъ съ материнскимъ, за всѣмъ что дѣлаетъ сестра. Когда эта послѣдняя „откальвала“, по любимому выражению Катеньки, какую нибудь штучку, въ этомъ безцвѣтномъ взорѣ выражалась какая-то зависть или недоброжелательство, губы Катеньки сжимались плотнѣе и она слегка откашивалась, точно въ ея горлѣ что застряло.—Сестры не особенно долюбливали другъ друга.

Сашенька остановилась на русской школѣ и замѣла какой-то цыганскій, довольно вульгарный вальсъ. Голосъ у нея былъ — очень маленькое и жидкое сопрано, но смѣлость исполненія — обратно пропорциональная голосовымъ средствамъ. Сашенька брала не голосомъ, а выражениемъ, вслѣдствіе слишкомъ усиленного подчеркиванія и ударенія, выходившаго довольно аляповатымъ. Произнося слова: „любовь“, „сердце“, „страстно“, „нѣжно“ и пр., Сашенька слишкомъ пересаливала, слишкомъ шептала или напротивъ слишкомъ поднимала голосъ, все это сопровождая соответствующими то нѣжными, „дышащими томлениемъ и страстью“, то исполненными гнѣва и ревности выраженіями своего маленькаго розового лица. Раскачиванье изъ стороны въ сторону, припаданье и откидыванье корпуса отъ клавишъ, шло своимъ чередомъ.

Ничего такого не замѣчалъ Михаилъ Петровичъ. Эта гостиная съ поющей за роялемъ дѣвушкой не только занимала его, но какъ-то умаляла и уменьшала въ собственномъ мнѣніи. О, онъ жилъ слишкомъ въ простотѣ. Что онъ видѣлъ? что зналъ? — ничего. Пансіонъ и домъ съ покойной бабушкой; но развѣ это то, что называется обществомъ и свѣтомъ? Вотъ эта дѣвушка дѣйстви-

тельно изъ того *свѣта*, котораго существованіе онъ до сихъ порь не подозрѣвалъ... Его голова кружилася, темпъ вальса какъ-то волновалъ и одурялъ его; глупыя слова казались его дѣтскому вкусу истинно-прекрасными, а эта замѣтно ломающаяся и манерницающая дѣвушка — воспитанной свѣтской барышней. Новый міръ открылся передъ нимъ и увлекъ его въ свой водоворотъ. Онъ зналъ семейную жизнь и связанные съ нею элементы; хозяйство, воспитаніе маленькой Акѣ и дружественные симпатіи членовъ семьи; онъ зналъ школу, болѣе широкую арену, первую ступень публичной дѣятельности, вмѣщающую въ себѣ отношенія къ товарищамъ, отношенія къ учителямъ, успѣхи и соревнованіе,—но все это совсѣмъ не то, не то... Есть шире арены, есть пространнѣе горизонты, гдѣ ужъ не готовятся жить, какъ въ школѣ, не живутъ, стѣсненные семейной обстановкой, но гдѣ соколъ летаетъ на волѣ, гдѣ стремителенъ его полетъ и гдѣ взглядъ не въ силахъ обозрѣть открывшагося передъ нимъ пространства... Это — *свѣтъ*... И какъ бы пораженный у самаго входа въ этотъ новый отдѣлъ жизненнаго храма грандиознымъ величиемъ открывшихся передъ нимъ перспективъ, Михаилъ Петровичъ, какъ новичекъ, оробѣлъ, смущился — и среди этой гостиной, преобразованной чудодѣйственной рукой тетеньки Настурції, впервые созналъ всю свою слабость, неразумность и ничтожество, ищущее себѣ опоры въ болѣе сильныхъ и разумныхъ... Куда ему защищать кого нибудь: онъ готовъ просить на колѣнѣхъ, чтобы *его самого* кто нибудь поддержалъ и защищилъ!..

X.

Вскорѣ подали обѣдъ — и опять все ново, все необычайно!.. Они обѣдали съ бабушкой и маленькой Акѣ по просту... Столъ бывало у нихъ не Богъ знаетъ какъ разубранъ: такъ все какъ-то понаставлено, и зимой, когда рано темнѣеть, горитъ одна свѣча. Онъ обыкновенно разливалъ и раскладывалъ, а потому садился во главѣ стола, имѣя справа бабушку, слѣва — Акѣ, когда эта послѣдняя появилась въ ихъ домѣ... Иную картину явила изъ себя столовая въ день приѣзда тетеньки Настурції... Точно праздникъ: все прибрано, бѣлье на столѣ чистое, висящая посерединѣ потолка лампа освѣщаетъ яркимъ и ровнымъ свѣтомъ пространство небольшой столовой... Положительно точно именины: подъ самой лампой обернутый въ бѣлую бумагу, кверху вырѣзанную городами, горшокъ съ какимъ-то развѣсистымъ растеніемъ, около главнаго прибора бутылки съ виномъ, селедка и сыръ... Скатерть блестѣть бѣлизной, ключница и пріодѣвшаяся къ обѣду горничная стоятъ на готовѣ для услугъ. Поди, същи ихъ бывало при бабушкѣ!.. Убѣгутъ въ кухню, болтаютъ тамъ, а тутъ сиди, да жди добрыхъ полчаса отъ кушанья до кушанья, пока имъ не заблагоразсудится вспомнить, что господа кушаютъ. Михаилъ Петровичъ не былъ взыскателенъ.

Тетенька Настурція разомъ поставила дѣло иначе. Обѣдъ прошелъ неторопливо, но и безъ ненужныхъ промежутковъ между блюдами... Тетенька сѣла во главѣ, имѣя справа Сашеньку, а слѣва Катеньку и Михаила Петровича. Такимъ образомъ противоположная мѣсту, гдѣ сидѣла тетенька, сторона стола осталась свободною; маленькая Акѣ отсутствовала. Сердечко Михаила Петровича екнуло и болѣзненно скжалось, когда, войдя въ столовую, онъ не увидѣлъ въ ней своей любимицы. Ему вдругъ захотѣлось сбѣгать къ ней въ кухню, посмотретьъ, что она тамъ дѣлаетъ, броситься передъ ней на колѣни и со слезами просить у нея прощенія въ томъ, что онъ такъ ничтоженъ, глупъ и слабъ, что не въ силахъ отстоять ея мѣсто въ своемъ собственномъ домѣ. О, она все понимаетъ, хоть и мала, — она умна! Онъ выпросить у малютки себѣ прощеніе, упросить ее потерпѣть: нѣсколько лѣтъ — и онъ будетъ большой, сдѣ-

лается рѣшительнѣе, отстоить свою Акъ—и малютка вернется тогдѣ въ свою свѣтлую комнатку съ бѣлосѣжными занавѣсами... Его мысли были прерваны. Тетенька Настурція, съ какой-то торопливой жадностью поглощая супъ, не забывала то и дѣло окидывать скользящимъ взглядомъ Катеньку и Михаила Петровича, дѣлая имъ поминутно замѣчанія. Еще разливая супъ, она замѣтила юнымъ кузенамъ:

— Дѣти, не сидите сгорбивши... Держитесь прямѣе: вотъ такъ...

И для примѣра показала, какъ именно надо было держаться. Когда-же, разливъ супъ, она замѣтила, что Михаилъ Петровичъ, прежде нежели начать кушать, взялъ вилку и ножъ и держа ихъ какъ-то необыкновенно прямо, началъ рѣзать лежащій въ супѣ миниатюрный кусочекъ мяса, она не преминула вскричать въ какомъ-то ужасѣ:

— Ахъ, Michel! какъ ты держишь ножъ и вилку? посмотри, надо такъ...

И научила племянника, какъ надо держать вилку и ножъ, прибавивъ:

— И вообще, кто-же рѣжетъ говядину, пока не сѣденъ супъ... это дѣлаютъ послѣ...

Михаилъ Петровичъ покраснѣлъ и оставилъ говядину въ покоѣ... Тетенька, не забывая кушать, неусыпно становляла въ домѣ приличie и порядокъ. Разомъ она разграничила питаніе взрослыхъ и дѣтей: дѣти кушали только то, что имъ давали; закуски и вина существовали исключительно для самой тетеньки и для Сашеньки, для дѣтей-же,—т. е. для Михаила Петровича, который при бабушкѣ кушалъ все, чего только просила его душа,—и для Катеньки, съ завистью провожавшей каждый кусокъ сыру и глотокъ легкаго краснаго вина въ ротъ мамаши,—ни закусокъ, ни вина не полагалось. Впрочемъ, оканчивая обѣдъ и запивая пирожное лафи-

томъ, тетенька Настурція смиливалась надъ племянникомъ, сказавъ:

— Michel, дай мнѣ твою рюмку: я налью тебѣ вина.

Онъ поблагодарилъ:

— Я не люблю вина. Merci-съ.

Сашенька померла со смѣху:

— Ахъ, mon cousin! кто-же прибавляетъ къ французскому слову русское „съ“...

Тогда Михаилъ Петровичъ поправился:

— Merci.

Тетенька смиливалась и надъ Катенькой:

— Желаешь?

Та подставила рюмку:

— Нѣсколько капель, шатап...

И морщаась, выпила налитый ей глотокъ легкаго вина... Когда-же, вставъ изъ за стола, Михаилъ Петровичъ, поспѣша за ушедшими въ гостиную тетенькой и Сашенькой, зачѣмъ-то оглянулся назадъ, онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ остроумная Катенька вознаграждала себя за налагаемыя шатап ограниченія питанія. Съ необычайнымъ проворствомъ Катенька опустошала тарелку съ остатками селедки, потомъ, откормсавъ себѣ изрядный кусокъ сыру, засовала его вмѣстѣ съ ломтемъ ситнаго въ карманъ и завершила все это налитой до краевъ рюмкой лафиту, проглоченной юною дѣвицей безъ малѣйшей гримасы... Замѣтивъ изумленно слѣдившаго за нею кузена, эта робкая дѣвочка съ опущенной головой, нисколько не смущившись, развязно пригласила, указывая на закуски:

— Не угодно ли послѣдовать примѣру?... Милости просимъ...

И какъ ни въ чёмъ не бывало, вошла въ гостиную и усѣвшись передъ лампой, съ скромнымъ видомъ очень молодой особы, принялась за прерванную обѣдомъ работу.

(До слѣд. №).

Валкирии

Высоко, безмолвно
Надъ полѣмъ кровавымъ
Сіяетъ луна;

* *

Весь берегъ—далеко
Оружьемъ и храбрыхъ
Тѣлами покрытъ!

* *

Герои! имъ слава
И въ людяхъ, и въ небѣ
Почеть у боговъ!

* *

Вонъ—тьнь пролетаетъ
По доламъ, по скаламъ,
На блескѣ морскомъ:

* *

То, свѣтлыя, мчатся
Валкири-дѣвы
Съ эоирныхъ высотъ!

* *

Одеждъ ихъ ужъ слышенъ
И крылья лебединыхъ
По воздуху свистъ,

* *

Доспѣховъ бряканье
Мечей ударенье
По звонкимъ щитамъ,

* *

И радостный окликъ,
И бурная пѣсни
Неистовыхъ дѣвъ:

* *

„Въ Валгаллу! въ Валгаллу!
Одинъ—Вседержитель
Ужъ пиръ зачиналъ!

* *

„Отъ струннаго звона,
Отъ трубнаго звука,
Чергоги дрожать!

* *

„И свѣточи жарко
Горятъ смоляные,
И пѣнится медъ—

* *

„Въ Валгаллу, герои!
Тамъ вѣчная юность—
Вашъ свѣтлый удѣлъ!

* *

Воздушные кони,
Одежды цвѣтныя,
Мечи и щиты,

* *

„Рабыни и жены,
И въ пирѣ съ богами
Мѣста на скамьяхъ!“

A. Майковъ.



Видѣніе Іезекіиля, картина Рафаэля. Гравир. Тиріа.

Прѣдатель.

Исторический разсказъ.

М. Лилля.

I.

Лясная и холодная зимняя ночь раскинула свой звѣздный шатеръ надъ плодородной равниной западной Голландіи, которую, въ XVI столѣтіи, когда происходитъ разсказываемая нами исторія, населялъ крѣпкій, честный и трудолюбивый дитмарсенскій

народъ, обитающій тамъ и понынѣ. Дружелюбно смотрѣли яркія звѣзды сверху на уснувшую землю, укутавшуюся въ сверкающій, будто осыпанный брильянтами, сиѣжный покровъ. Кругомъ царила глубокая тишина; ледяное дыханіе мороза, казалось, уничтожило все живое, и, даже, въ домахъ мѣстечка

Вёрдена не было замѣтно ни малѣйшаго движенія, не раздавалось ни звука; все — и люди, и животныя лежали въ объятіяхъ сна.

Только въ одномъ мѣстѣ, немного въ сторонѣ отъ городка, среди группы деревьевъ, теперь обнаженныхъ, мелькалъ слабый лучъ желтоватаго свѣта; свѣтъ этотъ виднѣлся въ разрисованныхъ морозомъ окнахъ дома фогта *) Ганса Воллерзина.

Самъ хозяинъ еще не спалъ онъ сидѣлъ въ большомъ кожаномъ, съ высокой спинкой, креслѣ, стоявшемъ около гигантской кафельной печи, которая занимала почти четвертую часть всей комнаты. Воллерзинъ, опустивъ сѣдую голову на руку, казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость; отъ времени до времени взглядъ его переходилъ къ окну и останавливался тамъ, съ выражениемъ любви и тихаго счастья, настройной дѣвушкѣ, свѣтло-голубые глаза которой, въ эту минуту, были мечтательно устремлены въ синеватую мглу безмолвной, холодной ночи. То было прелестное, юное, истое дитя своей дитмарсенской родины, съ свѣжими, красными щечками и губками и тяжелыми золотистыми косами; прижавшись головой къ рамкѣ низенькаго мальенькаго окошка, она, повидимому, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ малѣйшему звуку, доносившемуся извѣнѣ, какъ вдругъ на снѣгу послышались торопливые шаги и вскорѣ на бѣломъ фонѣ зимняго ковра отчетливо обрисовалась высокая фигура статнаго юноши, приближавшагося къ дому фогта.

— Онъ! кликнула дѣвушка Воллерзину, порхнувъ къ двери и широко отворяя ее.

Новоприбывшій, стражнувъ за порогомъ съ своихъ ногъ снѣгъ, вошелъ въ комнату, гдѣ былъ встрѣченъ горячимъ привѣтствіемъ дѣвушки; крѣпкое рукопожатіе старика показало, что юноша — желанный гость въ этомъ домѣ, да и впрочемъ, изъ самой теплоты взаимнаго обращенія молодыхъ людей можно было ясно видѣть, что между ними уже заключенъ сердечный союзъ, скрѣпленный согласіемъ и благословеніемъ отца.

*) Намѣстника, правителя округа.

Усѣвшись на деревянной скамейкѣ у теплой печи, влюбленная пара принялась за веселую болтовню, передавая другъ другу тысячи интересныхъ вещей, какими, обыкновенно, и всюду привыкли обмѣниваться обрученные. Они говорили о своей приближавшейся свадьбѣ, объ устройствѣ ихъ будущаго жилища, о гостяхъ, которыхъ предполагали пригласить на торжество бракосочетанія, и — одинъ веселый замокъ за другимъ строило ихъ расходившееся юное воображеніе. Какою-то очарованію страстью чудесъ лежало предъ ними ихъ будущее, въ розовомъ свѣтѣ невозумѣмого счастія; еще немного пути, еще немного терпѣнія и — они уѣхали своимъ желаніемъ.

Сильный стукъ въ дверь оторвалъ юношу и дѣвушку отъ мѣра сладостныхъ мечтаний и самъ старый Воллерзинъ, уже задремавшій было въ своемъ креслѣ, испуганно поднялся на ноги.

— Кто такое можетъ прийти такъ поздно? произнесъ онъ, нѣсколько выдвиняя свѣтильную масляную лампу, чтобы она яснѣе горѣла... Отвори, Тельза, на дворѣ холодно и темно.

На порогѣ появился высокий и крѣпко сложенный мужчина, съ добродушнымъ лицомъ. Увидавъ юношу, онъ, съ минуту постоялъ, какъ бы въ нерѣшительности, но затѣмъ вошелъ и подалъ, поочередно, каждому руку.

— Вольфъ Изебрандъ! воскликнулъ отецъ дѣвушки съ изумленіемъ, — откуда ты это?

— Я запоздалъ немного тамъ, въ Кеммингштадтѣ, а теперь шелъ домой, отѣchalъ тутъ. — Свѣтъ въ твоемъ домѣ навелъ меня на мысль, — пожелать вамъ доброго вечера, да кстати и обогрѣться; но, какъ вижу, у васъ гости, прибѣвились онъ голосомъ, въ кото-

ромъ слышалась досада, вызванная присутствиемъ чужаго.

— Реймеръ фонъ Вимерстедтъ — мой женихъ, Вольфъ, сказала Тельза успокаивающимъ тономъ, — а потому тебѣ нечего удивляться, что видишь его тутъ.

— Твой женихъ? спросилъ Изебрандъ, и въ его лицѣ что-то дрогнуло, выдавая тайное страданіе. — Вы ужъ такъ далеко зашли? Въ нашемъ мѣстечкѣ, правда, поговаривали, что Рей-



Комната гдѣ родился Рафаэль.



Общий видъ города Урбино.

меръ похаживаетъ около тебя, но я не зналъ, что вы такъ скоро сблизитесь.

— Черезъ двѣ недѣли и свадьба, Вольфъ Изебрандъ, и ты тоже приглашенъ, сказалъ счастливый женихъ, обнявъ невѣсту.

— Если я кому нибудь не завидую за выборъ Тельзы Воллерзинъ, такъ это тебѣ, Реймеръ;—ты первымъ являешься на работу и—послѣднимъ на шансы, ты и заслужилъ лучшую дѣвушку во всей нашей сторонѣ. Но однако, прощайте, мнѣ еще далеко.

— Славный малый, прямой и открытый, и безъ всякой зависти, сказалъ фогтъ, послѣ ухода Изебранда.

— Онъ, будто, смущился сначала, какъ меня увидаль тутъ, замѣтилъ Реймеръ.

— Можетъ быть, ему очень бы хотѣлось быть на моемъ мѣстѣ.

— Онъ ко мнѣ расположень, и не разъ говорилъ мнѣ объ этомъ, да я и замѣтила, что онъ отличалъ меня передъ другими дѣвушками, сказала Тельза.—Отчего же онъ разошелся съ Бертою Петерсонъ.

— Старый Петерсонъ охотно отдалъ бы дочь за Вольфа, да и Берта сама готова была бы выйти за него, сказалъ Реймеръ, но отецъ хотѣлъ, чтобы свадьбу отложили на годъ, такъ какъ въ теперешнія времена не до свадебъ; это, однако, не удобно для Изебранда: ему надо хозяйку въ домѣ, а пришлось бы слишкомъ долго ждать.

— Да почему же они не могутъ обѣянчиться теперь же? спросила, съ какою то боязнью, Тельза.

— Нашъ намѣтникъ говорилъ Петерсону, что голштинцы опять хотятъ требовать отъ насъ повинностей, а датчане, которые съ ними за одно—желаютъ настроить у насъ крѣпостей и заставить насъ платить ежегодную дань.

— А вы, мужчины, какъ намѣрены поступить? спросила съ волненiemъ Тельза.

— Мы этихъ голштинцевъ и датчанъ такъ пощекочимъ колъями, что отобъемъ у нихъ охоту сюда посѣщать! цылко воскликнула юноша, сильно топнувъ ногой объ полъ.—Пока наши воины въ состояніи держать мечъ въ рукахъ—не дадимъ мы чужеземцу сѣсть себѣ на шею.

Тельза не произнесла ни слова, но ея рукопожатіе дало Реймеру почуять больше, нежели всякія слова. Пламенная патріотическая тирада молодаго человѣка вызвала воинственный огонь и въ глазахъ старика.

Кто-то въ эту мину, постучалъ въ оконко, совсѣмъ затянувшееся морозной тканью.

— Это еще кто такое? спросилъ Реймеръ, съ удивленіемъ взглянувъ на невѣсту.

Тельза громко засмѣялась, а потомъ отвѣтила въ полголоса:

— Это—Карстенъ Гольмъ, богатый гейдской мельникъ, котораго я позвала. Забыла тебѣ сказать про то.

— Ты его позвала?

— Да—пустъ видѣть, убѣдится и перестанетъ, наконецъ, за мной ухаживать. Вотъ ужъ цѣлую недѣлю проходу не даетъ, хоть я и сказала ему, что выхожу за тебя. А онъ все думаетъ, что изъ за его богатства ни одна дѣвушка не можетъ устоять предъ нимъ. Я и пригласила его, для того, чтобы ты самъ ему сказалъ—пустъ себѣ ищеть другую.

Реймеръ бросился, было, къ окну, но Тельза остановила его.

— Обѣщай мнѣ не всыпить, а говорить съ нимъ спокойно, сказала она.—Карстенъ Гольмъ—человѣкъ съ вѣсомъ, его голосъ имѣетъ значеніе и онъ можетъ тебѣ повредить, если ты сдѣлаешь его себѣ врагомъ.

— Не зачѣмъ было тебѣ его приглашать, Тельза, произнесъ фогтъ тономъ выговора,—очень неразумно обходитьсь небрежно съ людьми извѣстнаго положенія и значенія, и по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ ихъ дурачить—прошу это помнить.

— Но что же мнѣ дѣлать, отецъ? оправдывалась дѣвушка,—я не скрыла отъ него нашей помолвки съ Реймеромъ и прямо ему объявила, что не пойду за него, а онъ, все-таки не отстаетъ отъ меня ни на шагъ и все говорить о любви и своемъ предложеніи.

Стукъ повторился опять.

— Виусти его, Тельза, приказалъ Воллерзинъ,—по колѣна въ снѣгу, да на холоду не мѣсто для объясненій.

Но, прежде, нежели онъ успѣль выговорить, Реймеръ, въ которомъ заговорила ревность, уже былъ у окна и отворилъ его.

— Тутъ не получишь воды для своей мельницы, ты, мучной червякъ, кликнулъ онъ стоявшему подъ окномъ,—тутъ дѣлается все равно, какъ у тебя самого: кто первый пришелъ, тотъ и мелетъ свою муку прежде.

— Что это значитъ, Тельза? крикнулъ Гольмъ съ угрозой.

— Я тебѣ сказала, Карстенъ, что никто другой не будетъ моимъ мужемъ, какъ Реймеръ фонъ Вимерштедтъ, но ты не хотѣлъ этому вѣрить, возразила дѣвушка, потому я и просила тебя прийти, чтобы ты могъ убѣдиться самъ и прекратить свои ухаживанія.

— Такъ вотъ какъ! этого нищаго, у котораго все богатство то—что два кулака и то, что они ему даютъ—ты выбрала себѣ въ мужья, а Карстену Гольму, имя котораго извѣстно и уважаемо во всемъ Дитмарсенѣ, отказываешь? злобно проговорилъ мель-

никъ; да знаешь-ли, что ты могла бы быть самой богатой женщины во всемъ гейдскомъ кирхшиль, еслибы пожелала?

Реймеръ, выбѣжившій изъ дома, въ одинъ прыжокъ былъ уже около Карстена Гольма и такъ стиснулъ ему руку, что тотъ застоналъ отъ боли.

— Ты, кажется, говорилъ тутъ о нищихъ и голодныхъ, ты—мучной воръ? крикнулъ юноша, тряхнувъ соперника, съ котораго большая мѣховая шапка слетѣла на снѣгъ,—гляди—эти кулаки не только могутъ хорошо работать, но тоже и учить дерзкихъ и чваныхъ людей!

— Оставь меня, не то я тебя позову на судъ старшинъ! произнесъ мельникъ, чуть не давясь отъ бѣшенства.

— Мнѣ очень хочется дать тебѣ здороваго тумака, тебя снабдить памятной запиской, чтобы судьямъ не надо было рыться въ нашей государственной книгѣ, продолжалъ молодой человѣкъ,—запиской, которая у тебя и тебѣ подобныхъ отняла бы охоту смыться надъ трудовымъ людомъ.

— Если ты тронешь Карстена Гольма — мы пропали! крикнула Тельза жениху,—ты дурно держишь обѣщаніе.

— Ну, на этотъ разъ, нечего дѣлать—спущу ужъ тебѣ, произнесъ юноша болѣе спокойнымъ голосомъ;—но на будущее время помни, что Реймеръ фонъ Вимерштедтъ не позволить безнаказанно обидѣть себя.

Затѣмъ, не обращая болѣе на него никакого вниманія, Реймеръ повернулся къ окну и, пожелавъ фогту доброй ночи, пожалъ Тельзу руку, пошелъ по направлению къ своей деревнѣ, Вимерштедту, между тѣмъ, какъ озлобленный мельникъ молча поплелся въ противоположную сторону. Но долго еще послѣ того стояла у окна Тельза, въ глубокомъ раздумы глядя въ пространство, на снѣжную равнину, пока, наконецъ, отецъ не сказалъ ей идти спать.

— Только бы все это обошлось безъ дурныхъ послѣствій, проговорилъ тревожно Воллерзинъ,—Гольмъ никогда не проститъ Реймеру то, что ты его предпочла ему.

II.

Слухъ о предстоящемъ столкновеніи съ голштинцами и датчанами скоро подтвердился, такъ какъ прежде еще, чѣмъ дитмарсенцы увѣрились въ томъ, со стороны враговъ уже послѣдовало объявление войны. Иоаннъ, король Даніи, Швеціи и Норвегіи, вступилъ, съ значительнымъ числомъ рыцарей, въ Голштинію и остановился тамъ въ замкѣ Мельбекъ, принадлежавшемъ старому графу Рантцау. Изъ собственныхъ владѣній короля, и изъ Германіи къ нему нагрянула толпа дворянъ и воиновъ, привлеченныхъ страстью къ войнѣ и добычѣ. Во главѣ войскъ были поставлены герцогъ Фридрихъ голштинскій, братъ короля, оба его племянника, графы ольденбургскіе, кромѣ того, многие изъ старѣшинъ и закаленныхъ въ бояхъ рыцарей, между прочимъ храбрый владѣтель мельбекскаго замка, графъ Генрихъ Рантцау и рыцарь Гансъ Альфельдъ, которому выпала честь нести древнее датское государственное знамя Данеброга; наконецъ, и—юнкеръ Сленицъ, самый огромный и сильный мужчина трехъ соединенныхъ королевствъ, вождь знаменитой и страшной „большой гвардіи“,—дикаго и необузданного пятитысячнаго отряда нѣмецкихъ наемниковъ.

Въ замкѣ Мельбекъ—хотя и переполненномъ сверху до низу воинами—не хватило мѣста для всѣхъ, почему многіе дворяне и ландскнехты размѣстились въ деревнѣ, а также по сосѣднимъ замкамъ и селамъ. Богатый графъ Рантцау постарался оказать своимъ высокимъ гостямъ насколько возможно лучшій приемъ и выразить тѣмъ и свой патріотизмъ, и преданность свою царствовавшему дому.

Былъ пасмурный, холодный зимній день; блѣдные лучи заходящаго солнца слабо освещали высокую залу замка, въ которой раздавался смѣшанный шумъ веселаго говора и хохота, покрывавшаго собою звонъ стакановъ. На главномъ концѣ роскошно убраннаго стола сидѣлъ король, на другомъ, нижнемъ, противъ него—гостепріимный хозяинъ, по обѣимъ сторонамъ—знатнѣйшія лица королевства, родственники государя, его главные совѣтники и полководцы. Гости не робѣли предъ виномъ и на многихъ лицахъ уже играла та краска, которую вызываетъ благородный сокъ винограда.

Графъ Рантцау всталъ, держа наполненный кубокъ въ руکѣ.

— Король и господинъ мой, громкимъ голосомъ воскликнулъ онъ,—пью за счастье вашего побѣдоноснаго оружія, столь недавно еще смирившаго непокорныхъ шведовъ. Да почувствуютъ на себѣ его тѣжесть и непокорные дитмарсенцы, пока на колѣньяхъ не вымолять прощенія!

И приложивъ огромную чашу къ губамъ, онъ осушилъ ее до дна.

— Благодарю вѣсть, графъ, отвѣчалъ король Иоаннъ, взявъ въ свою очередь, кубокъ. Съ такими храбрыми и опытными въ боевомъ дѣлѣ вождями, я съумѣю побѣдить дитмарсенцевъ. За здоровье моихъ полководцевъ!

Съ восторженными кликами поднялось все общество; громкій звонъ чокавшихся стакановъ и кубковъ разнесся далеко по прилегавшимъ комнатамъ и заламъ. Одинъ только датский рыцарь Эббе Гейсъ не присоединился къ общему веселію; онъ, казалось, не раздѣлялъ увѣренности своихъ ратныхъ товарищъ. Король Иоаннъ замѣтилъ это.

— А вамъ, рыцарь, повидимому, не очень желательно свести знакомство съ дитмарсенскими кошками! воскликнулъ онъ, обращаясь, черезъ весь столь, къ дворянину; если вы предпочитаете держать въ рукахъ вместо меча, цѣпь и унавоживать свои поля, то можете возвратиться къ себѣ.—Прекрасное лицо рыцаря покрылось густымъ румянцемъ.

— Государь, почтительно, но съ глубокимъ волненiemъ, возразилъ онъ,—предки мои всегда искали самаго опаснаго мѣста въ битвѣ и никогда еще ни одинъ дворянинъ моего имени не поворачивалъ спины непріятелю; но истинная храбрость идетъ бокъ о бокъ съ осторожностью; иногда и укушение комара бываетъ смертельно.

— Тотъ, кто комара боится, никогда не посмѣть схватить дитмарсенского быка за рога, вставилъ голштинецъ Гансъ Алефельдъ,—и когда мужикъ ловить козу *), то не колеть ее пикой, а просто запираетъ въ свою конюшню.

— Это вамъ, вѣроятно, хорошо известно, рыцарь Алефельдъ, отвѣтилъ Гейсъ,—такъ какъ заяцъ передъ фронтомъ гораздо опаснѣе козы въ конюшнѣ.

Слова эти были покрыты взрывомъ неудержимаго и одобрительного хохота, къ которому присоединился и король Іоаннъ. Дѣло въ томъ, что когда, однажды, голштинцы, пошедшіе войной на дитмарсенское графство, и вступивъ въ его предѣлы, двигались, въ ожиданіи непріятеля, въ боевомъ порядке впередъ,—откуда-то вдругъ выскочилъ заяцъ, который понесся по перегъ поля. При видѣ его, въ военачальникахъ проснулась старая охотничья страсть и съ гикомъ и крикомъ помчались они за зайцемъ, и тамъ—и скрылись вмѣстѣ съ нимъ въ появившемся на дорогѣ лѣсу. Войска, оставшіяся безъ предводителей, замялись, а этой минутой воспользовались дитмарсенскіе солдаты, находившіеся въ засадѣ въ лѣсу: они стремительно и съ дикимъ крикомъ, кинулись на голштинцевъ, опрокинули ихъ и погнали, одержавъ надъ ними полнѣйшую и блестательнѣйшую побѣду. Поэтому и Алефельдъ, и другіе голштинскіе рыцари, хотя и сильно сконфуженные, ничего не возразили па заслуженный отвѣтъ Гейса.

Король, однако, желая смягчить для нихъ впечатлѣніе, на смѣшки и не допускать несогласій и непріязни между своими рыцарями, снова поднялъ свой бокалъ:

— Знаменосцу Данеброга предназначаю имѣніе Пильдорнскаго монастыря въ награду, когда мы предпишемъ Дитмарсену мирныхъ условій! произнесъ онъ.

Въ эту минуту, къ королю приблизился начальникъ стражи замка и доложилъ, что внизу, на дворѣ ждутъ двое людей, испрашивающихъ разрешенія быть впущенными; они объявили, что передадутъ свое дѣло только одному королю, или въ крайнемъ случаѣ, его брату, герцогу Фридриху голштинскому. Король дозволилъ, и вскорѣ въ залѣ были введены двое высокихъ и коренастыхъ мужчинъ, одѣтыхъ въ темное платье. Подойдя къ королю, они преклонили передъ нимъ колѣно, а затѣмъ, вставъ, и соблюдая постепенность въ рангахъ,—герцогу голштинскому только поклонились, хотя и очень низко.

— Кто вы? спросилъ король.

— Мы—посланцы отъ Бременскаго князя—епископа прилежащей ему дитмарсенской земли, сорока восьми фогтовъ, четырехсотъ присяжныхъ совѣтниковъ и судей и всего народа, отвѣчай старшій, но въ полномъ цвѣтѣ лѣта.

— Посланцы? перебилъ Іоаннъ—съ какихъ поръ дитмарсенцы имѣютъ право слать посланниковъ?

— Государь, мы люди независимаго Дитмарсена, подданного Бременскому архіепископу, продолжалъ старшій посланецъ,—и иного господина не признаемъ; мы выговорили себѣ право на то, чтобы наши просьбы не были поставлены ниже другихъ, отъ кого бы онѣ не шли.

Въ залѣ пронесся гнѣвный ропотъ.

— Ну, это мы рѣшимъ послѣ, когда помѣримся оружіемъ,—а, впрочемъ, вы, можетъ быть, пришли покориться нашимъ требованіямъ?

— Великій государь, мы пришли просить тебя даровать намъ миръ и спокойствіе, дабы,—когда стаетъ снѣгъ,—памъ можно было вспахать поля, засѣять хлѣбъ и пустить скотъ на луга.

— Вы просите о дарованіи вамъ мира и спокойствія, а, между тѣмъ, сами вы—первые нарушители мира, возразилъ Іоаннъ,—развѣ вы не дѣлали набѣговъ въ голштинскія и шлезвигскія области и тамъ не грабили и не разбойничали, развѣ не подстерегаете у своихъ береговъ чужеземные корабли для того, чтобы облагать ихъ несправедливою данью, и развѣ не заставляете путешественниковъ, проѣзжающихъ въ вашей странѣ, покупать себѣ свободный пропускъ дорогой цѣнной?

— Все это могло и происходить иногда, государь, какіе-нибудь отдельные фогты могли превысить свою власть, но епископу и нашему народу это не известно, да и за это полагается, по нашей государственной книжѣ, строгое наказаніе: не заставляйте, добрый государь, всѣхъ насъ отвѣчать за вину немногихъ, а малѣйший убытокъ, причиненный кому-нибудь изъ подданныхъ вашего величества, мы готовы вознаградить.

— Все это старая обѣщанія, которыхъ такъ же скоро вы забываете, какъ и даете. Но теперь мы рѣшились разъ навсегда

положить этому конецъ и васъ наказать такъ, чтобы на будущее время себя обеспечить отъ повторенія вашихъ насилий.

— Государь, если вы желаете наказать, то и вами подданные заслужили того же, такъ какъ и они нападаютъ на наши мирныя деревни, истравляютъ наши поля и воруютъ скотъ; а когда мы обращаемся въ вашъ высшій судъ, то наши просьбы возвращаются намъ съ насмѣшками.

— Идите, сказалъ король Іоаннъ, и передайте, что мы требуемъ слѣдующихъ мирныхъ условій: уплаты вами 20 тысячъ марокъ военныхъ расходовъ, 5 тысячъ ежегодной дани, въ знакъ вашей покорности, и предоставленія намъ права выстроить крѣпости въ трехъ указанныхъ нами пунктахъ вашей страны. Если вы отвергнете эти условія, то мы добудемъ ихъ силой оружія, но, тогда, по здравомъ обсужденію, потребуемъ уже большаго.

Посланники молча переглянулись и затѣмъ старшій, приблизившись къ королю, поклонился и произнесъ почтительно, но твердо:

— Государь, наши предки искони ставили выше всего независимость своего отечества, которую, кровью свою, отстаивали на поляхъ сраженій. Мы бы были недостойны носить имя дитмарсенцевъ, еслибы измѣнили нашему епископу и отдались во власть чужеземнаго принца, когда еще въ силахъ держать въ рукахъ мечъ. Наши женщины стали бы насть презирать и сорвали бы плотины съ нашихъ береговъ и шлюзы въ нашихъ каналахъ, чтобы нашу страпу и нашу потерянную честь погребсти подъ волнами; и что можетъ быть для васъ, милосердый государь, повелитель трехъ королевствъ, привлекательнаго въ какой нибудь парѣ дюжинъ деревень нашихъ? Мы—люди смиренные и простые, не намъ становиться противъ столь высокородныхъ рыцарей, да и имъ не велика слава побѣдить насъ. Просимъ васъ, государь, даруйте намъ миръ.

— Волосокъ съ головы вашей не упадеть, если вы примете наши условія, возразилъ король,—возвратитесь и скажите это вашимъ землякамъ, но не забудьте прибавить, что отвѣта ждемъ только 24 часа, и въ случаѣ—вы останетесь при своемъ, то больше мы оказывать вамъ снисхожденія не будемъ—терпѣніе наше лопнуло.

И онъ жестомъ отпустилъ посланниковъ, но теперь выступилъ впередъ младшій и молвилъ съ поклономъ:

— Великій государь—мы уже не возвратимся къ вамъ съ отвѣтомъ, такъ какъ всѣ мы какъ одинъ встанемъ на защиту правъ нашего епископа, нашихъ женъ и дѣтей и домашнаго очага; не разъ уже мы мѣняли плугъ на копье, и не впервые увидимъ мы спину бѣгущаго врага, если Пресвятая Богородица даруетъ намъ побѣду.

Страшный шумъ послужилъ отвѣтомъ на эти слова; всѣ присутствующіе окружили дитмарсенцевъ, многіе выхватили мечи; со всѣхъ сторонъ посыпались на нихъ оскорблѣнія и угрозы, пока король, сильнымъ ударомъ эфеса своей шпаги о столь, не остановилъ поднявшагося гама.

Среди восстановившейся тишины, изъ за стола всталъ одинъ изъ воиновъ, сидѣвшій до сихъ поръ смироно и спокойно убравшій громадный кусокъ медвѣдѣй ветчины. Это былъ великанъ, съ смуглымъ лицомъ, обрамленнымъ темными волосами, и небольшими, черными, злыми и беспокойно сверкающими въ своихъ орбитахъ глазками. Сголъ затрецаль, когда гигантъ уперся въ него мощными руками, повернувъ свою несоразмѣрно маленькую голову къ королю.

Къ чѣму, государь, произнесъ витязь сиплымъ голосомъ, такъ много милости и вниманія оказываете этимъ людямъ,—если вы дозволите, то я одинъ распоряжусь съ ними и пока вы останетесь спокойно тутъ, я справляюсь съ этой дитмарсенской сволочью, повергну ихъ къ вашимъ ногамъ.

— Берегись, мужичье, когда я приду съ моей гвардіей *!) воскликнулъ онъ обратившись къ посланникамъ.

— Берегитесь вы, юнкер Сленицъ, спокойно возразилъ молодой посланникъ, чтобы вамъ и вашей гвардіи не пришлось напиться болотной воды, а отъ нея ужъ инымъ было не хорошо.

— Удалить этихъ людей и дать имъ охрану изъ 30 всадниковъ до границы, повелѣлъ король—я не желаю, чтобы кто либо могъ сказать, что я нарушилъ неприкословенность посланниковъ.

— Поспѣшишь-ка, Вольфъ Изебрандъ, по добру, по здорову, шепнулъ старшій дитмарсенецъ товарищу, подталкивая его къ дверямъ—не то, вѣдь, пожалуй памъ пришлось бы унести отсюда съ собой и менѣе пріятное воспоминаніе.

Нѣсколько рыцарей, съ герцогомъ Фридрихомъ во главѣ, послѣдовали за посланниками во дворъ, где эскортъ тотчасъ же сѣлъ на коней и окружилъ дитмарсенцевъ, но, однако, прежде, нежели кортежъ двинулъся въ путь, старшій посланецъ приблизился къ брату короля и проговорилъ вполголоса:

— Я—гейдскій мельникъ Карстенъ Гольмъ и имѣю сообщить вашему величеству очень важныя вещи; ждите меня завтра въ полночь у себя и прикажите стражѣ пропустить.

Сумерки уже спустились на снѣжный ландшафтъ, когда всадники съ посланцами, проѣхавъ подъемный мостъ замка Мель-

*) Geis—по немецки коза; тутъ непереводимый каламбуръ.

бекъ, направились въ сторону дитмарсенской границы. Но долго еще герцогъ Фридрихъ смотрѣль вслѣдъ удалявшимся, прислушиваясь къ звуку копытъ, перебиравшихъ по мерзлому снѣгу.

III.

Въ эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, т. е. въ концѣ XV столѣтія, Дитмарсенъ состоялъ подъ властью бременского епископа, предоставившаго, впрочемъ, много самостоятельности этой своей провинціи; такъ, южный и сѣверный Дитмарсенъ, разделенный на 4 гау, состоявшія, въ свою очередь, изъ нѣсколькихъ кирхшипелей, выбирали, съ дозвolenіемъ епископа, по 12 фогтовъ или намѣстниковъ для каждой гау, причемъ эти 48 фогтовъ составляли высшій судъ страны; важнѣйшія дѣла решались въ собраніи, въ которомъ засѣдали фогты, затѣмъ, 60 такъ называемыхъ шликеровъ, особые присяжные, числомъ приблизительно 400 человѣкъ, и члены магистратовъ трехъ главныхъ городовъ — Гейда, Мельдорфа и Люденса. Засѣданія происходили подъ открытымъ небомъ, на лугу, или на площади одного изъ городовъ; всякий имѣлъ право присутствовать тамъ въ качествѣ зрителя, всякий, также, имѣлъ и право ношения оружія, и обязанность, въ случаѣ нужды, идти на защиту отечества. Изъ этого видно, что Дитмарсенъ, имѣвши свой собственпаго государя — былъ совершенно независимъ отъ датскаго короля владѣніемъ. Но императоръ Фридрихъ III, соединивъ Голштинію, Стокмарію и Дитмарсенъ въ одно герцогство, отдалъ его въ ленъ королю датскому, Христіану I; дитмарсены, остававшіеся вѣрными своему владельцу, объявили, что не измѣнятъ ему, и обратились къ папѣ съ жалобой. Смерть помѣшила Христіану выполнить планъ Фридриха III, и его сынъ и преемникъ, Йоаннъ, рѣшился осуществить притязаніе датчанъ. Это и было настоящею причиной войны. Въ началѣ 1500 года датскій король выступилъ съ 30 тысячнымъ войскомъ противъ дитмарсенцевъ, которые были въ состояніи противопоставить имъ всего три тысячи воиновъ. Никогда еще не приходилось имъ имѣть противъ себя столь значительного непріятеля; они пришли въ уныніе.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней января 1500 г., на площади Гейда происходило засѣданіе дитмарсенского совѣта; предстало обсудить — принять условія датчанъ, или воевать; пока мужчины спѣшили сюда со всѣхъ концовъ владѣнія бременского епископа, узнать — что надо будетъ дѣлать, — въ церквахъ, женщины молились предъ иконой Богоматери — да отвратить Она, Пречистая и Пресвятая, отъ отечества опасность, а духовенство призываю благословеніе неба на дитмарсенскую страну, на тѣхъ, кому, въ это трудное время, приходилось нести бремя власти.

На площади Карстенъ Гольмъ и Вольфъ Изебрандъ, хотя и заглушаемые каждую минуту гамомъ собравшейся массы, успѣли сообщить совѣту о результатахъ своего посольства.

Толпа подняла оглушительный крикъ; но мнѣнія раздѣлились; молодые люди требовали войны, болѣе благоразумные соѣтывали не спѣшить, а обдумать и подождать решения свыше, между тѣмъ, какъ болѣе пожилые и разсудительные подали голосъ



Домъ въ которомъ родился Рафаэль въ г. Урбино.

разростался съ каждымъ мгновеніемъ въ тысячегласный, могучій кликъ воспрыянувшаго патріотизма.

На колокольнѣ ближайшей церкви раздался звонъ, слившійся съ браннымъ крикомъ толпы, отворились врата и изъ храма выступила процессія духовенства, облаченаго въ праздничныя ризы и предшествуемая хоромъ пѣвчихъ; всѣ набожно разгулились; процессія остановилась на самой серединѣ площади и одинъ почтенный старый священникъ взошелъ на возышеніе, съ которого только что говорилъ Вольфъ Изебрандъ.

Люди дитмарсенскіе! началь онъ, держа въ рука небольшое золотое распятіе, — вы желаете войны и это желаніе васъ достойно. Но безъ благословенія Божія чужеземецъ одолѣль-бы васъ и разорилъ-бы наше отечество, и не словомъ однимъ можемъ мы угодить Богу, а надо дѣломъ выразить Ему наше упованіе и вѣру. У насъ нѣть еще убѣжища, гдѣ скромныя девушки могли-бы найти пріютъ. Обѣщайте же, послѣ побѣды, выстроить женскій монастырь и Пресвятая Дѣва поддержать васъ въ бою и повергнетъ вашего врага.

Старшій изъ епископскихъ намѣстниковъ поднялся и произнесъ: „Обѣщаемъ выстроить женскій монастырь, когда страна наша будетъ спасена отъ чужеземного вторженія!“ Все собраніе съ увлечениемъ подтвердило обѣщаніе.

Священникъ высоко поднялъ Распятіе надъ своей головой. — Даю вамъ Святое Распятіе, берите его съ собою; Оно васъ защититъ въ нуждѣ и опасности. Этотъ Святой символъ смеется предъ вами враги, подковы коней вашихъ его раздавятъ, а волны морскія его поглотятъ. Но — лишь въ руки чистой и невинной девушки могу я передать изображеніе нашего Спа-

Автографъ Рафаэля (Сонетъ).

Священникъ высоко поднялъ Распятіе надъ своей головой.

— Даю вамъ Святое Распятіе, берите его съ собою; Оно васъ защититъ въ нуждѣ и опасности. Этотъ Святой символъ смеется предъ вами враги, подковы коней вашихъ его раздавятъ, а волны морскія его поглотятъ. Но — лишь въ руки чистой и невинной девушки могу я передать изображеніе нашего Спа-



Литературный альбомъ. „Бѣглецъ“. Поэма М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгель.

сителя; одна изъ вашихъ юныхъ дѣвицъ должна будетъ нести его предъ войскомъ, которое поведетъ къ побѣдѣ, и она-же будетъ первою инокинею въ нашемъ женскомъ монастырѣ. Сами изберите для того достойнѣйшую изъ вашихъ дѣвицъ.

Со своими длинными, ниспадавшими до плечъ серебряными прядями волосъ и длинной блѣйской бородой, онъ походилъ на одного изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ; вся его величавая фигура, вдохновенный голосъ, самое его появленіе произвели глубокое впечатлѣніе на массу. Отовсюду послышался одобрительный говоръ; въ тоже время слова служителя алтаря наполнили всѣхъ увѣренностью.

Снова поднялся старій фогтъ и обратился съ призывомъ къ дѣвушкамъ. Однако, ни одна не рѣшалась выступить впередъ. Привязанность къ земнымъ радостямъ и наслажденіямъ говорила въ нихъ сильнѣе стремленія къ тихой монастырской жизни, и притомъ-же, пѣкоторыя уже отдали свое сердце и не были свободны располагать собою. Наступила пауза, которой никто не осмѣшивался нарушить.

Вдругъ па возвышение взбѣжалъ какой-то мужчина, сдѣлавшій знакъ, что хочетъ говорить:

— Между нашими дѣвицами, конечно, найдется много такихъ, которыхъ готовы мужественно пожертвовать собою для блага отечества—началь онъ—но, несомнѣнно, во всемъ Дитмарсенѣ — дочь почтенѣйшаго Ганса Воллергина фонъ-Вѣрдена, добродѣтельная Тельза, наиболѣе достойна нести впереди войска Святое Распятіе, а также и стать первою инокинею нашего монастыря.

Громкіе крики одобренія дали понять, что всѣ присутствующіе вполнѣ раздѣляютъ высказанное мнѣніе.

— Карстенъ Гольмъ всегда съумѣетъ найти и сказать что надо,—кричали другъ другу мужчины,—у насъ болѣе благородной дѣвицы и не отыщешь. Гейдскій мельникъ, прежде, чѣмъ сойти съ трибуны, бросилъ полной ненависти и злобной радости взглядъ въ ту сторону, гдѣ, прислонившись къ фонтану, стоялъ молодой человѣкъ, лицо которого покрылось мертвенною блѣдностью, а глаза какъ-то странно уставились прямо на него. То былъ Реймеръ фонъ-Вимерстедтъ, понявший, что въ эту минуту терялъ свою возлюбленную невѣсту.

Гансъ Воллерзинъ находился тутъ-же, среди 48 фогтовъ, когда рѣшалась судьба его дочери. Священникъ подошелъ къ нему и спросилъ его мнѣнія.

— Это — мое единственное дитя; если она меня покинетъ—домъ мой опустѣеть и я, на старость дѣть, останусь безъ поддержки, отвѣчалъ Воллерзинъ; но въ случаѣ Тельзы сама согласится, то я не буду противиться.

Засѣданіе окончилось и народъ расходился въ разныя стороны, распѣвая воинственные пѣсни. Грустно шелъ домой ста-

рый Гансъ Воллерзинъ, въ сопровожденіи двухъ священниковъ и четырехъ старшихъ фогтовъ, чтобы объявить дочери о сдѣланномъ ей предложеніи.

Дрожь охватила молодую дѣвушку, при вѣсти, что ей приходится отказаться отъ своего счастія и постричься. Это было такъ неожиданно для нея, она вовсе не была приготовлена; ея глаза невольно обратились къ нему, какъ-бы взывая о съвѣтѣ и помощи. Старикъ понялъ нѣмой языкъ взгляда.

— Я еще не дала окончательного отвѣта, дитя мое, съ нѣжностью сказала онъ, — одна ты можешь решить свою участіе. Изъ сотенъ другихъ дѣвушекъ, ты избрана для содѣйствованія дѣлу освобожденія родины, но ничто не должно заставить тебя отказаться отъ всего, чѣмъ дорожишь, если на то не будетъ твоего желанія.

Слабая искра надежды блеснула въ глазахъ Тельзы.

— Я — невѣста Реймера фонъ-Вимерстедта, который хотѣлъ уже чрезъ нѣсколько дней вести меня къ алтарю, слабымъ голосомъ произнесла она, обращаясь къ одному изъ священниковъ.

— Тебя ждетъ несравненно высшее счастье, возразилъ священнослужитель, — ты понесешь въ своихъ рукахъ Святой крестъ, поведешь воиновъ своего народа къ побѣдѣ и если откажешься — навлечешь на себя гнѣвъ Божій.

Дѣвушка стояла въ нерѣшительности; въ ней боролись самыя противоположныя чувства и ощущенія — любовь и долгъ, желаніе пользоваться благами жизни и честь, стремленіе къ личному счастію и сознаніе, что родинѣ грозитъ иноземное нашествіе.

— Ты еще колеблешься, произнесъ второй священникъ съ выражениемъ легкаго укора, — развѣ ты считаешь себя недостойною коснуться Святаго символа?..

Прелестное лицо дѣвушки омрачилось, она не могла стерпѣть сомнѣнія въ ея чести, въ ея вѣрѣ и со слезами бросившись въ объятія отца, она воскликнула — „я согласна!“

Въ эту минуту послышались торопливые шаги и въ комнату вѣжалъ Реймеръ.

— Ты — моя, Тельза, и никто не можетъ тебя отнять у меня! крикнулъ онъ голосомъ отчаянія и страсти. И онъ кинулся, было, къ дѣвушкѣ, но одинъ изъ священниковъ сталъ между ними и высоко поднявъ руку къ небу, строго произнесъ:

— Это дитя принадлежитъ отнынѣ церкви, Реймеръ фонъ-Вимерстедтъ!

Какъ громомъ пораженный остановился Реймеръ, Тельза продолжала рыдать на груди отца и не поднимая головы, не взглянувъ на юношу, она протянула ему руку, проговоривъ едва слышнымъ голосомъ:

— Слишкомъ поздно, Реймеръ, прости на вѣки

(До слѣд. №).

Литературный альбомъ „Бѣглецъ“ поэма Лермонтова.

(Рис. на стр. 305).

Небольшая поэма Лермонтова „Бѣглецъ“ превосходно обрисовываетъ понятія кавказскихъ горцевъ о долгѣ и чести. Горецъ бѣжалъ съ поля битвы, не отомстивъ, за смерть своихъ собратій, встрѣчается въ своемъ аулѣ общимъ позоромъ; его отталкиваетъ отъ себя лучшій другъ; изъ его объятій вырывается съ презрѣніемъ на устахъ любимая дѣвушка и наконецъ даже собственная мать выгоняетъ его съ проклятіемъ изъ родной сакли. Типъ Гаруна — этого человѣка, слишкомъ любившаго жизнь, не хотѣвшаго сложить свою голову въ отчаянной схваткѣ съ гиурами — живой, превосходно очерченный поэтъ. Любовь къ жизни превозмогла у него надъ всѣми другими чувствами — местью, ненавистью, жаждой крови. И вотъ онъ бѣжитъ, оставивъ безъ призора трупы своихъ погибшихъ братій.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла,
Бѣжалъ онъ съ страхомъ съ поля брави,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата
Лежать ихъ головы въ пыли.

Всѣ одноaulцы пали въ отчаянной борьбѣ; одинъ лишь трусъ остался цѣлъ; онъ еще не хочетъ умирать; онъ молодъ, любимъ; онъ спѣшилъ въ родной аулъ; спѣшилъ увидать большаго старшаго друга, и когда послѣдній узнаетъ, что Гарунъ бѣжалъ какъ трусъ, не отомстивъ за братьевъ, то отворачивается отъ него какъ отъ прокаженнаго.

Ступай! достоинъ ты презрѣнья,
Ни крова, ни благословенія
Здѣсь у меня для труса нѣть.

Говорить старый Селимъ Гаруну и выгоняетъ его изъ сакли.

Несчастный бѣглецъ думаетъ тогда найти привѣтъ и участіе у любимой дѣвушки, но и здѣсь онъ встрѣчаетъ одно презрѣніе. Го дая, энергичная дочь горъ не можетъ любить труса; ее можетъ увлечь лишь смѣлость, храбрость, отвага; она

требуетъ прежде всего отъ возлюбленнаго, чтобы онъ былъ героемъ, воиномъ, и лишь убѣдясь въ этихъ качествахъ, отдаетъ свое сердце. Не даромъ поется въ горской пѣснѣ:

Своимъ измѣнившій
Измѣнной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнуть безъ славы.

Гарунъ слышитъ какъ эту пѣсню поетъ любимая имъ дѣвушка и онъ блѣднѣетъ, сердце его обрываются; онъ видѣтъ, что и здѣсь онъ отверженъ; что и здѣсь онъ будетъ встрѣченъ съ позоромъ и презрѣніемъ. Но вѣдь у него еще есть мать; неужели же она откажеть ему въ ласкѣ и участії? Неужели она не откроетъ своихъ объятій для несчастнаго сына? Но, увы, и мать встрѣчаетъ Гаруна холодно и сурово. „Отомстилъ ли ты за смерть своихъ братьевъ?“, спрашиваетъ она сына и по его молчанию догадывается, что онъ бѣжалъ съ поля битвы, поступилъ какъ презрѣнійный трусъ, а не какъ доблестный, честный горецъ. Неумолимо, безъ тѣни сожалѣнія, она тутъ-же изрекаетъ ему проклятіе.

— Молчи, молчи, гиуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удалисъ; живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы...
Ты рабъ и трусъ... ты мнѣ не сынъ!

Несчастный Гарунъ, отверженный всѣми близкими его сердцу, видѣтъ наконецъ, что жизнь, которую онъ такъ дорожилъ, которую онъ такъ берегъ, отнынѣ будетъ лишь однимъ безконечнымъ мученіемъ, вѣчнымъ отчаяніемъ и позоромъ. Онъ видѣтъ, что одна смерть можетъ спасти его и рѣшается на самоубійство.

Ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ...
И мать по утру увидала,
И хладно отвернула взоръ.

Эта послѣдняя сцена поэмы, когда мать отвергаетъ своего недостойнаго сына и представлена на нашемъ рисункѣ.

ложенію архитектора Браманте. Только здѣсь художникъ попалъ въ соотвѣтствующій кругъ дѣйствій, гдѣ его геній могъ всесторонне развиться. Къ счастью Рафаэля, короткая жизнь его сложилась такъ, что ему не приходилось заботиться о ея мелочныхъ условіяхъ, послѣ того, какъ изъ подъ его кисти вышли такія произведенія, какъ Сикстинская Мадонна, Мадонна делла Седіа, Святая Сесилія и друг.

Сикстинская Мадонна—это дивное произведеніе божественной живописи, была написана для главнаго алтаря церкви Св. Сикста въ Піаченцѣ, затѣмъ въ 1754 году была пріобрѣтена за двадцать тысячъ дукатовъ для Августа III, короля Саксонскаго, и съ тѣхъ поръ служить драгоценіемъ Дрезденской галлереи.

Такъ называемая Мадонна дель Грандука представляетъ Богородицу, стоящую со Спасителемъ, руки Коего покоятся на плечѣ и груди Богоматери. Это картина, находящаяся теперь во дворцѣ Питти во Флоренціи, писана въроятно около 1504 года. Въ концѣ прошлаго столѣтія она находилась у одной бѣдной вдовы, которая, вмѣстѣ съ двумя картинами Карла Дольче, продала ее торговцу картинами за 12 скуди.

Наружность Рафаэля производила самое пріятное впечатлѣніе. Среднаго роста, стройный, съ правильными и привлекательными чертами лица, добрыми глазами и каштановыми волосами, онъ одѣвался всегда чрезвычайно изысканно и богато. Эта страсть къ дорогимъ нарядамъ—отраженіе любви ко всему прекрасному.

Домъ, въ которомъ жилъ Рафаэль въ Римѣ, сохранился еще и теперь невдалекъ отъ всѣхъ извѣстной виллы Боргезе—этой великолѣпной, занимающей квадратную милю собственности кардинала Сципіона Боргезе. Домъ Рафаэля, небольшой по размѣрамъ, имѣетъ красивый видъ. Своды галлереи поддерживаются гранитными колоннами, взятыми при возведеніи этого дома изъ одной античной постройки. Домъ стоитъ особнякомъ, уединенно; лучше всего онъ видѣнъ со стороны виллы Медичи; древнія піни виллы Боргезе передъ домомъ и Аппенины на заднемъ планѣ. Весь домъ окружены деревьями, листочки которыхъ уносятся путешественниками и увозятся на родину какъ святыни. Городъ Римъ не особенно заботится объ этомъ домѣ, гдѣ жилъ великий художникъ во дни своей славы, и многія фрески, работы ученика Рафаэля, Джуліо Романо, находятся въ печальномъ состояніи.

Если судить о характерѣ Рафаэля по его почерку, то онъ выражаетъ спокойствіе и довольство. Подъ однимъ изъ своихъ этюдовъ онъ набросалъ стихотвореніе, точная копія автографа котораго помѣщена у насъ на стр. 304 этого №. Вотъ это стихотвореніе въ приблизительной передачѣ:

Въ сіянніи лучей твой образъ милый—
Всегда хранить его моя душа.
Начну писать и вижу: нѣть той силы,
Той прелести... О какъ ты хороша!
И кисть моя смѣла и краски живы,
Но какъ мертвы они передъ тобой!
Какъ этихъ нѣжныхъ лілій, розъ отливы
Изобразить съ такою красотой?..

Это довольство и спокойствіе замѣчается въ вышинѣ изящной, начальной буквы С. Вышина ея однако не настолько преувеличена, чтобы нарушать гармонію цѣлого. Буквы выражаютъ вполнѣ художественный духъ писавшаго—мягкость и округленість линій въ строчныхъ и какая грація въ большихъ буквахъ! Между тѣмъ писаніе это вовсе не калиграфическое, но оно гармонично—буквы походятъ на типографскіе знаки. Простая гармонія и благородная симметрія есть въ чертахъ его почерка—хотя строки эти и набросаны быстро, подъ вліяніемъ впечатлѣнія только что оконченного этюда—и въ немъ замѣтно стремленіе къ античному классическому покою. Если разсматривать почерки великихъ людей нашего времени, то всѣ они носятъ печать беспокойства, страсти, тревожнаго состоянія души; въ почеркѣ Рафаэля нѣть ни одной такой рѣзкой черты. Онъ свидѣтельствуетъ о душевномъ покой и равновѣсіи. По почерку Рафаэля можно заключить, что онъ былъ настоящій художникъ, не допускавшій ни малѣйшаго отступленія отъ прекраснаго ни въ жизни, ни въ произведеніяхъ.

Циркъ Чинизелли въ Спб. Въ нынѣшнемъ году можно сказать, что публика щѣнитъ труды и прекрасное веденіе дѣла хозяевъ нашего прекраснаго столичнаго цирка. По Субботамъ и Воскресеньямъ въ особенности мѣста бываютъ почти всѣ заняты. Привлекаютъ кромѣ обычныхъ, прекраснѣ составляемыхъ программъ представлений и изящно, богато и со вкусомъ поставленныя пантомимы „Робертъ и Берtramъ“, „Тысяча одна ночь“, „Нибелунги“ и друг. Скоро будетъ поставлена новая роскошная пантомима, къ которой дѣятельно готовятся и производятъ большия расходы. Замѣчательные дебюты такихъ артистовъ какъ превосходный Гукъ, труппа Дейке, сестры Джюльозъ и любимаго публикой ловкаго маленькаго наездника Нони Бедини—не могутъ не быть оцѣнены любителями такихъ красивыхъ и доступныхъ зрѣлищъ. Верховая їда, дрессировка лошадей, вольтижированіе—все это доведено до очень хорошаго состоянія. Конюшни г. Чинизелли содержатся прекрасно и чисто и переполнены очень хорошимъ выборомъ лошадей, гдѣ дѣти особенно восхищаются маленькими пони.

Извѣрженіе Этны. Громаднѣйший и страшнѣйший изъ всѣхъ вышинахъ действующихъ вулкановъ началъ снова свое ужасное дѣло разрушенія. Въ сравненіи съ Этной, Везувій кажется карликомъ, какъ относительно вышины, такъ относительно силы и энергіи. Въ

три раза выше этого послѣдняго, достигающій 11,000 футовъ вышины, вулканъ Этна уже этимъ свидѣтельствуетъ о силѣ своего внутренняго огня. Всѣ вулканы можно считать огненными горами, въ которыхъ перерабатываются вулканическія силы, и которые тѣмъ выше поднимаются къ облакамъ, чѣмъ сильнѣе изверженія, которымъ они обязаны своимъ возникновеніемъ. Даже въ спокойномъ состояніи видъ Этны по своей величественности превосходитъ всѣ горы Европы. Прежде всего глазъ встрѣчаетъ роскошную, почти тропическую полосу, простирающуюся отъ подошвы вулкана на 2,500 футовъ въ вышину, затѣмъ слѣдуетъ полоса лѣсовъ, тянущаяся до 6000 футовъ вышины и наконецъ каменные массы вершины, въ разѣлинахъ которой снѣгъ не таетъ никогда, даже во время Сицилійскаго лѣта. Также безподобенъ видъ съ вершины Этны. Оттуда глазъ видѣть три четверти Сициліи, за исключеніемъ только самой западной части ея. На сѣверѣ, Липпарскіе острова выдѣляются такъ ясно изъ синихъ волнъ Тирренскаго моря, что такъ и кажется, что до нихъ можно достать рукою. Къ сѣверо-востоку тянется Калабрія, за горами которой, несмотря на ихъ значительную въ 6000 футовъ вышину, видно Іоническое море. Если вулканъ спокоенъ, то можно также безопасно, хотя и съ большими трудностями, изслѣдовать кратеръ его, имѣющій въ окружности около часа ходу. Внутреннія стѣны его оканчиваются небольшой равниной, среди которой находится круглое отверстіе, составляющее собственно глубокую пасть гигантскаго горна. Въ этой трубѣ безпрестанно бродить и кипѣтъ тягучая, тѣстообразная масса лавы, откуда поднимаются маленькие огненные язычки, свидѣтельствуя о томъ, что хотя гора иногда успокаивается, но никогда не потухаетъ совершенно.

Объ изверженіяхъ Этны историки повѣствуютъ еще въ глубочайшей древности. Теодоръ Сицилійский упоминаетъ объ изверженіи, происходившемъ за 500 лѣтъ до Троянской войны. Оно было такъ сильно, что первые обитатели восточной Сициліи принуждены были выселиться изъ этой мѣстности. Послѣ того многія хроники древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ неоднократно сообщали о подобныхъ катастрофахъ. Самое ужасное изверженіе было въ 1669 году.

За восемнадцать дней до изверженія небо было черно, закрыто тучами, въ тоже время часто гремѣло и сверкала молнія. Одновременно на островѣ Стромболи, на западѣ отъ Сициліи, въ двухъ вулканахъ началась необыкновенная дѣятельность. Въ Николози нѣсколько домовъ было разрушено землетрясеніемъ, а надъ кратеромъ замѣчалось сильное движение. 8-го марта потемнѣло небо надъ Ла-Педара, а 11-го числа въ горахъ, на разстояніи 20 миль отъ кратера, ближе къ городу Катаны, открылась пропасть въ нѣсколько миль. На слѣдующую ночь въ горахъ открылось еще нѣсколько пропастей, откуда вырвались большия столбы дыма, сопровождавшіеся громомъ и сильнымъ землетрясеніемъ. Изъ главнаго кратера вылилась струя лавы, направившаяся къ озеру Ла-Гардія. На слѣдующій день лава потекла далѣе до области Маль-Пассо и опустошила ее въ двадцать часовъ. Затѣмъ она повернула къ Монате-Пельери; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потокъ лавы достигалъ двухъ миль ширины. 23-го числа образовалась новая громадная пропасть, составившая кратеръ въ двѣ мили въ окружности, изверженія котораго покрыли окрестность на пятнадцать миль кругомъ. Утромъ 25-го марта вся цѣль горъ сильнымъ землетрясеніемъ была приведена въ движение и высочайшій конусъ провалился съ невѣроятнымъ трескомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, открылась пропасть въ одну милю въ окружности, откуда вылетали камни и пепель, между прочимъ и знаменитая глыба лавы, которую и по нынѣ можно видѣть на горѣ Фрументо. Съ сильнымъ шумомъ, сопровождаемымъ землетрясеніемъ, лава направилась къ Катаны, перескочила черезъ стѣны, разрушила городъ, затѣмъ находящееся вблизи его Бенедиктинское Аббатство и влилась въ море. Впродолженіи 40 дней лава уничтожила дома 27,000 жителей, а изъ 20,000 душъ населенія Катаны въ живыхъ осталось только 3000. Въ своемъ теченіи лава несла громадные раскаленные до красна камни, которыми была покрыта вся страна, которая дымилась точно плавильная печь. Громадныя скалы, оторвавшись отъ берега, упали въ море со страшнымъ трескомъ, но когда въ море устремился потокъ лавы, то трескъ былъ ужаснѣй资料 of the strongest roar and was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and was heard on 60 even 100 miles; even the dust was carried by the wind on such a distance. During this inundation of the hot stream, it was torn from the ground and fell into the sea. After 40 days the lava destroyed 27,000 houses, and only 3000 people remained in Catania. The lava carried large red-hot stones and covered the entire country like a furnace. Large rocks fell from the shore into the sea, but when the lava stream approached, they were broken and scattered. The noise was heard on distant places. Water receded from behind, the sun rose from behind, fish perished and the sea water became turbid. The continuous noise continued from the mountain and

Венарина, Линера и Мило развалились многие дома; до сих порь только Катанья не понесла никакого убытка. По всему пространству извержения между Ациреалем и Падерно четыре дня безпрестанно падает дождь пепла. Лава медленно движется к Николози и Маскалуччи. Вулканъ выбрасывает громадные камни.

Иголка находившаяся въ тѣлѣ 46 лѣтъ. Въ „Medical times and Gazette“ пишутъ, что 1830 году госпожа В. проглотила большую иголку со сломаннымъ концомъ, которая въ продолженіи двухъ недѣль была причиной сильного раздраженія и выдѣленія горломъ крови. Спустя двадцать лѣтъ, В. почувствовала сильную боль въ лѣвомъ бедрѣ, принудившую ее лечь на нѣсколько щедѣль въ постель; также боль и въ той же части тѣла повторилась еще два раза съ промежутками отъ одного до двухъ лѣтъ. Въ 1874 г. В. почувствовала страданія въ правой рукѣ и лопаткѣ и приписывала это ревматизму, который однако не поддавался никакому лечению. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ боль прошла сама по себѣ, но возобновилась снова въ 1876 г. Теперь рука очень вспухла около локтя. Растирая болѣлое мѣсто масломъ, В. поранила себѣ руку чѣмъ то острымъ, что при ближайшемъ осмотрѣ оказалось тупымъ концомъ иголки, которую и удалось вытащить щипцами, однако съ большими трудомъ. Иголка почернѣла и сдѣлалась шероховатой. Она принадлежала къ старымъ сортамъ иголокъ, которыхъ уже давно не изготавляются. Боль въ рукѣ скоро прошла и 80-ти лѣтняя В. теперь совершенно здорова.

Запасы золота. Общий запасъ чеканенного золота и въ слиткахъ, находящагося въ кладовыхъ банковъ, опредѣляютъ въ 5800 миллионовъ рублей. Изъ этого числа на Англію приходится 1.260.000.000 руб. на Францію 1.360.000.000 р., на Германію 80.000.000 р., и на Соединенные Штаты 920.000.000 рублей. Въ остальныхъ государствахъ сумма колеблется между 8.000.000 и 304.000.000 руб. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что количество чеканного и въ слиткахъ золота не можетъ быть мѣриломъ богатства страны.

Плавающій хамелеонъ. Въ окрестностяхъ Роскофа (въ Пруссіи) попадается часто маленькая каракатица, имѣющая свойства хамелеона, и легко свыкающаяся съ жизнью въ аквариумѣ этой станціи. При малѣйшемъ прикосновеніи она мѣняетъ моментально цвѣтъ; изъ черной она дѣлается бѣлой и наоборотъ, и принимаетъ всѣ оттенки, между этими двумя цвѣтами. Поль Жиру изучалъ это явленіе по такъ называемымъ хроматографическимъ клѣточкамъ кожи этого моллюска. Клѣточки эти особенными органами стягиваются и расширяются; однако по словамъ Локайе-Дюттера, о существѣ клѣточекъ и механизма, вызывающемъ перемѣну цвѣта, ничего опредѣленного еще неизвестно.

Хлороформированіе пчелъ. Въ Англіи съ успѣхомъ прибѣгали къ хлороформированію пчелъ въ ульяхъ въ то время, когда собирали соты. Такой улей, для предохраненія его отъ свѣта и доступа воздуха, завѣшивается сукномъ и въ него начинаютъ капать хлороформомъ. Когда замѣтятъ, что пчелы сидятъ тихо, ихъ можно легко и безъ всякой опасности собрать и перенести въ другой улей, доступъ воздуха къ которому долженъ быть свободенъ. Пчелы скоро приходятъ въ себя и начинаютъ весело летать вокругъ своего нового жилища.

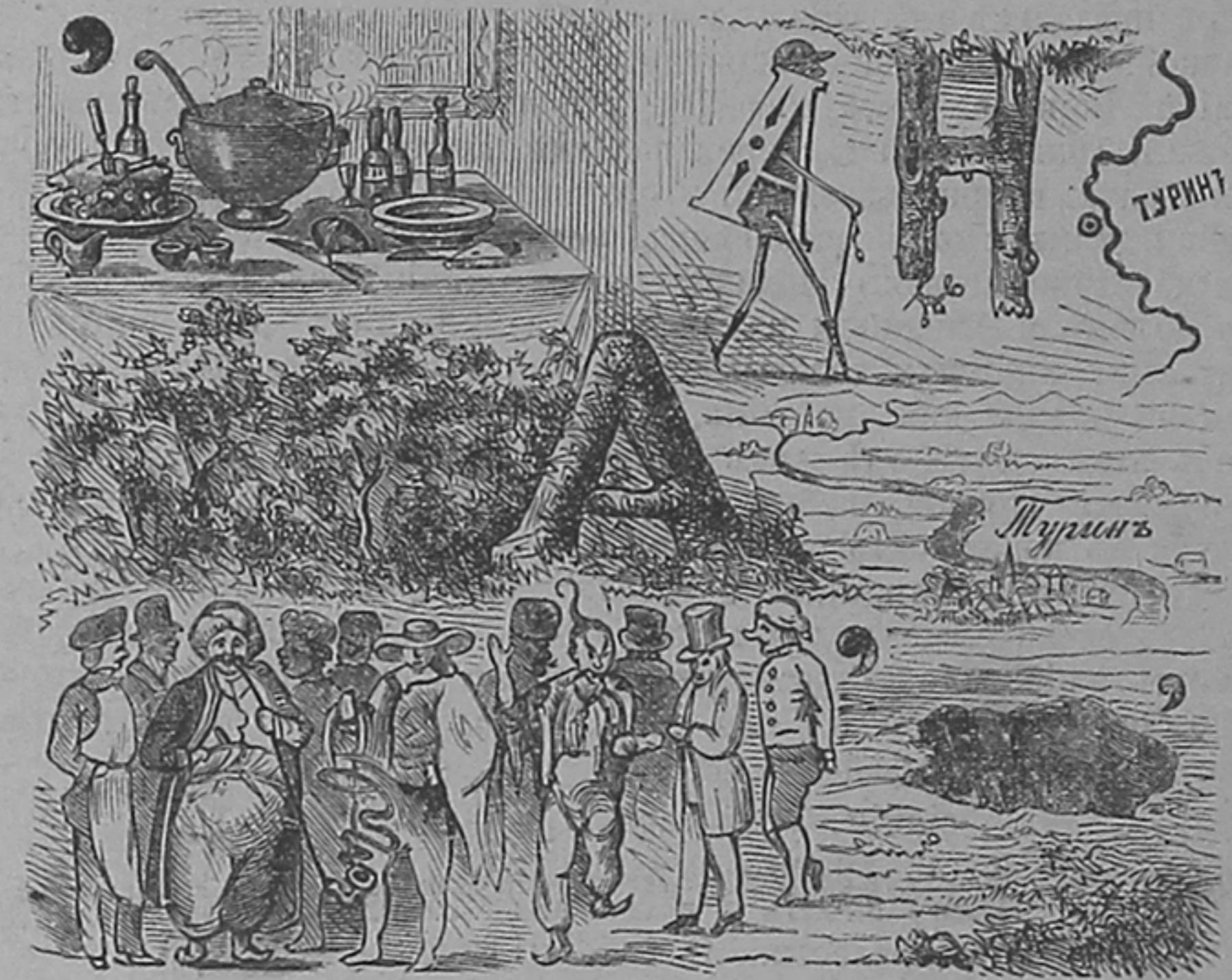
Копенгагенъ прежде и теперь. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Копенгагенъ былъ маленькой столицей въ маленькомъ государствѣ; теперь же онъ можетъ сравняться со всѣми большими городами міра. Копенгагенъ, получивъ 25 лѣтъ тому назадъ самостоятельное управление, сдѣлался городомъ космополитическимъ, вошелъ въ большое міровое теченіе и сообразно съ этимъ измѣнился наружнымъ видомъ. Передъ четвертью вѣка, городъ былъ окруженъ валомъ, передъ которымъ тянулся крѣпостной гласисъ, куда доступъ былъ разрѣшенъ только избраннымъ лицамъ, имѣвшимъ ключъ отъ воротъ. Предмѣстія состояли изъ нѣсколькихъ улицъ, между которыми простирались сады и хлѣбныя поля. Полицейский былъ рѣдкимъ явленіемъ на улицѣ; почные сторожа спали въ подвалахъ и только каждый часъ крикомъ своимъ давали знать, что они находятся на своихъ постахъ. Если случался пожаръ, то барабанный бой, трубы и звонъ колоколовъ поднимали на ноги весь городъ. Газовые фонари, введенныя впервые въ 1857 г., доставляли гуляющимъ большое удовольствіе. Днемъ нѣсколько тяжелыхъ дилижансовъ поддерживали сообщеніе между Копенгагеномъ и Фредериксборгомъ. Съ тѣхъ порь число жителей съ 150,000 увеличилось почти вдвое, а къ имѣвшимся церквамъ прибавилось еще пять новыхъ. На устройство подземныхъ сточныхъ трубъ съ 1864 г. употреблено 1½ миллиона кронъ. Городской бюджетъ двадцать пять лѣтъ назадъ составлялъ 1.080,000 риксдалеровъ (1 риксадал.=80 коп.), теперь же онъ составляетъ 6 миллионовъ кронъ (крона около 35 коп.). Школы, на которыхъ въ 1857 году расходовалось 184,000 кроны, обходятся теперь 900,000 кронъ; расходы по полиціи съ 120,000 кронъ возрасли до 600,000 кр. Но за то, въ то время какъ въ 1858 году нищихъ было 6,9 процента населения и налогъ на содержание бѣдныхъ составлялъ по 5 кронъ и 90 эре на человѣка, теперь бѣдныхъ уменьшилось до 3,7 процента населения и налогъ на содержание бѣдныхъ также понизился до 5 кронъ 30 эре съ каждой души населения.

Пруссія армія. Изъ обнародованного списка чиновъ прусской арміи видно, что къ послѣдней принадлежать въ настоящее время 18 членовъ гогенцоллернскаго дома, а именно: императоръ и императрица (состоящая шефомъ названного по ея имени гвардейскаго полка), наследный принцъ и наследная принцесса, восемь принцевъ

и одна принцесса (супруга Фридриха-Карла), князь Антонъ Гогенцоллернъ, три сына которого и внукъ тоже служатъ въ арміи. Въ послѣдней числится 8 фельдмаршаловъ и соответствующихъ имъ чиновъ, 40 генераловъ отъ инфантеріи и кавалеріи, 91 генераль-лейтенантъ, 129 генераль-маиоровъ, 251 полковникъ, 318 подполковниковъ и 1,024 маиора. Изъ иностранныхъ государей шефами полковъ состоятъ: Императоръ Всероссійскій и Императоръ австрійскій, короли итальянскій и румынскій. Императоръ Вильгельмъ числится шефомъ пяти полковъ. Наслѣдный принцъ состоитъ кавалеромъ 66 орденовъ, генераль-князь Бисмаркъ — 45 и фельдмаршаль графъ Мольтке — 44.

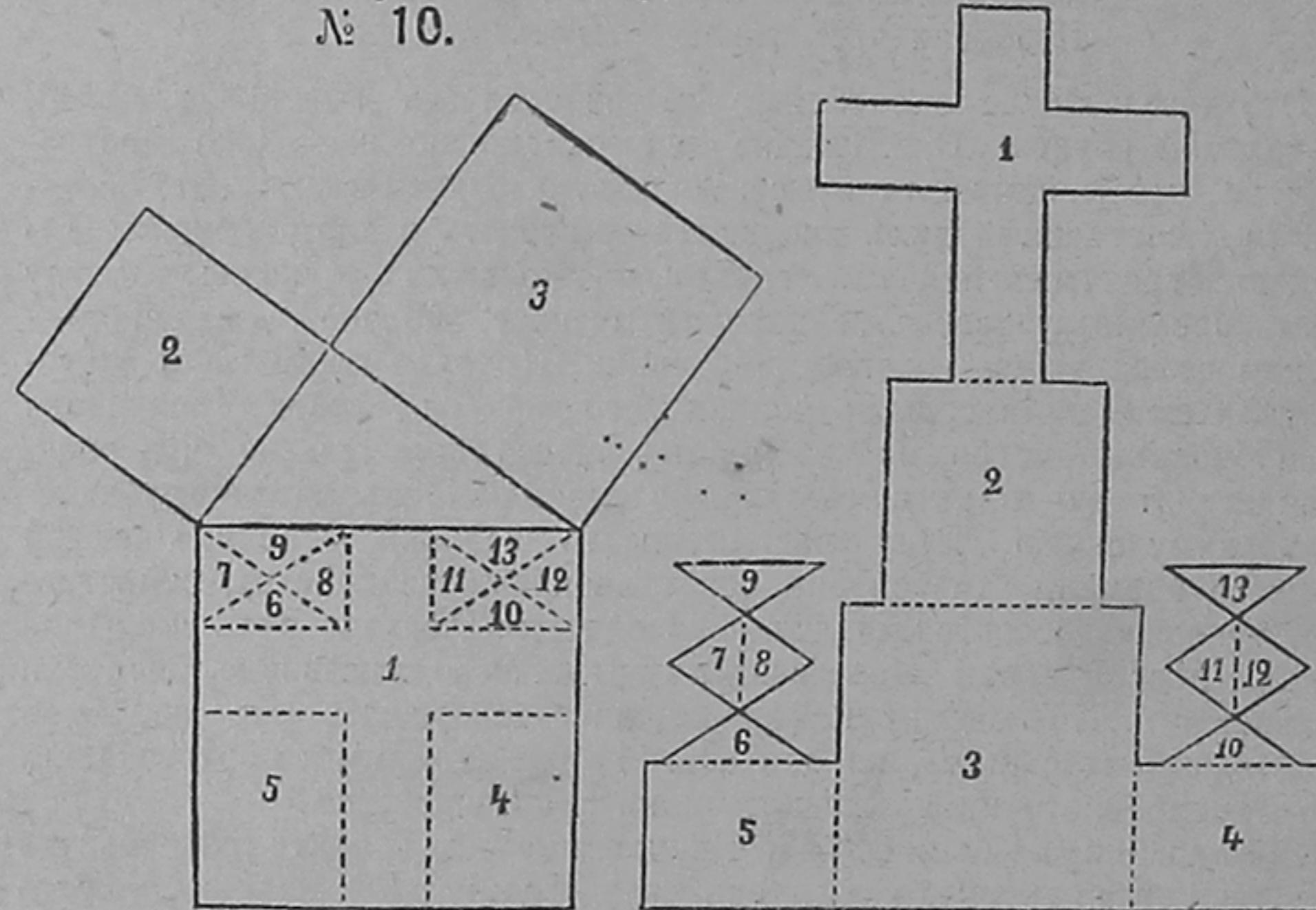
О богатствѣ Англіи можно судить, между прочимъ, по тому обстоятельству, что въ прошломъ году, напримѣръ, въ Англіи умерло 14 лицъ, изъ которыхъ каждое оставило одного движимаго имущества на сумму около 300,000 фунтовъ стерлинговъ (около 3 миллиона рублей). Верхняя палата состоитъ изъ 516 лордовъ, которыхъ принадлежать свыше 14 миллионовъ акровъ земли (акръ = 2/5 десятины) съ доходомъ въ 15 миллионовъ ф. с. или по 29.000 ф. с. на человѣка, не считая ихъ движимаго имущества. Доходъ англійской церкви составляетъ свыше 4½ миллионовъ ф. с., а 200 членамъ нижней палаты принадлежать свыше двухъ миллионовъ акровъ земли съ доходомъ въ два миллиона ф. с.

Ребусъ задача № 18.



Рѣшеніе геометрической задачи

№ 10.

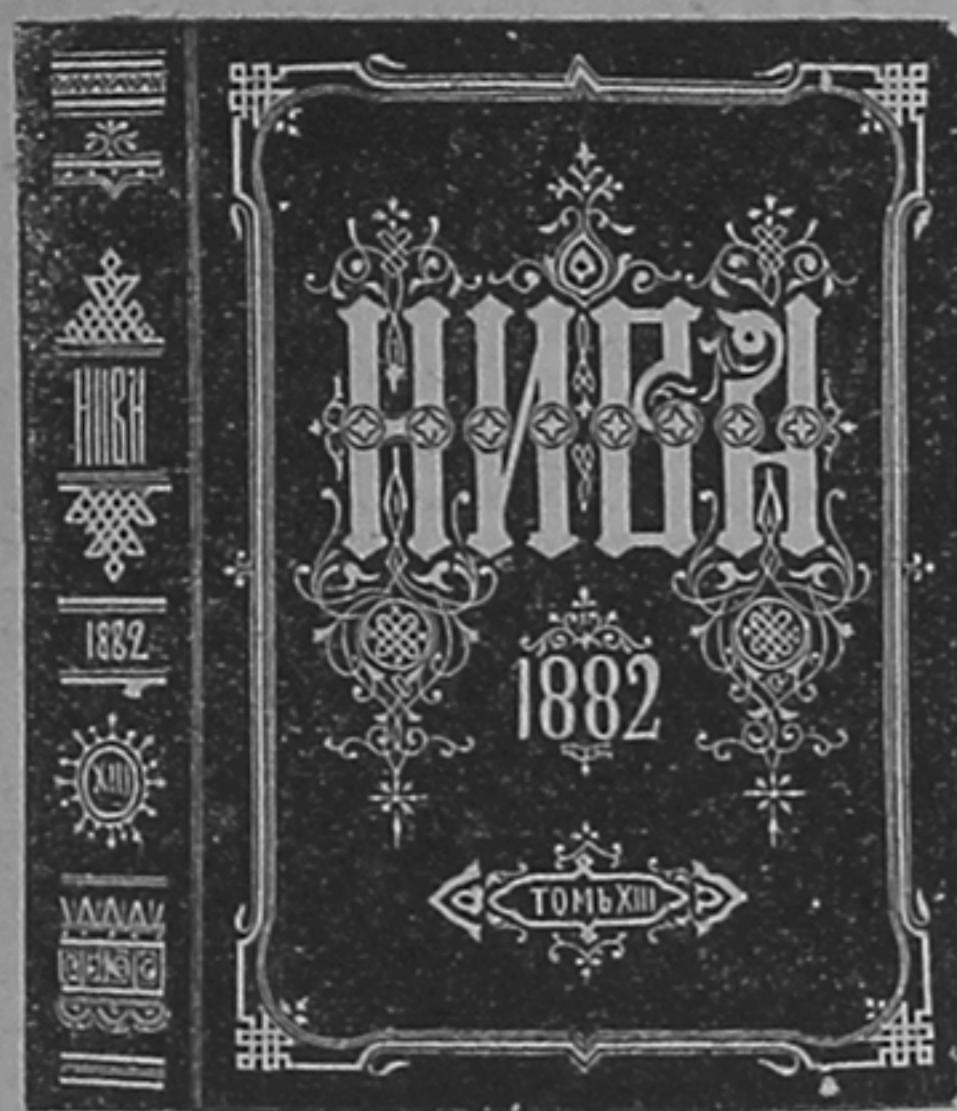


Вѣрныя решенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Барабанова, Москва—Козловъ, Рузянова, Бахчисарай—Дренджи, Бѣла—Выржиковскаго, Гатчино—К. Ц.—съ, Медвѣдь—Дегтерева, Рязань—Ростиславова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: Рафаэль Санціо. (Съ портр. и 7 рис.).—Въ цветахъ. Новѣсть Н. Лебедева (Морскаго). (Продолженіе).—Валкірія. Стихотвореніе А. Майкова.—Преатель. Исторический разсказъ. М. Лилля. (Продолженіе).—Литературный альбомъ. „Бѣглецъ“, поэма Лермонтова (съ рис.).—Начало газетнаго дѣла.—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Ребусъ.—Задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англіск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплестъ „НИВУ“ въ такую каленковую крышку. Так же имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

Г. ПОЛЬ

изъ Берлина.

Цинко-литейная—въ Москвѣ, Петровскія Торговыя линіи.

ФОНТАНЫ, фигуры, канделябры, памятники и надписи. Россійскіе орлы. Балконы, перила, капители и проч. Рисунки высылаются на восп. № 2513 требование. 4—4

ПОЛЕЗНЫЯ ИЗДАНИЯ.

Іосифа Елисъев. ЗЕГИМЕЛЯ. СПБ., Невскій пр., д. № 4. (Выставка новыхъ изобрѣтеній).

1) Джентельменъ. Содержаніе: Какъ быть порядочнымъ человѣкомъ.—Свѣтскія приличія для мужчинъ и женщинъ.—Разсказъ о несчастіяхъ, постигшихъ молодаго человѣка вслѣдствіе его несвѣтскости. Ц. 80 к. 2) Секрѣтъ какъ разбогатѣть. Соч. В. Франклина, перев. съ англ. Ц. 15 к. 3) Всемірный поставщикъ всего что угодно, отъ пеленокъ до гроба и отъ булавки до слона. Ц. 20 к. 4) Мать-идеаль. Содержаніе: Приданое младенца.—Воспитаніе дѣтей со дня рожденія.—Поведеніе и благовоспитанность. Ц. 20 к. 5) Женщина-идеалъ. Содержаніе: Сохраненіе красоты и здоровья.—Туалетъ.—Этикетъ.—Совѣты дѣвицамъ. Совѣты женамъ.—Правила экономіи.—Разсказы. Ц. 20 к. 6) Необходимыя правила для приказчиковъ, конторщиковъ, кассировъ и друг. служащихъ. Аnekdoty изъ быта приказчиковъ. Ц. 20 к. 7) Необходимыя правила для купцовъ, банкировъ и для всякаго дѣловаго человѣка. Аnekdoty изъ купеческаго быта. Ц. 25 к. 8) Подвиги человѣчества. Замѣчательные дѣятели на этомъ поприщѣ. Настольная книга для всѣхъ классовъ обоего пола. Ц. 1 р.

Объ уступкѣ см. ниже. 9) Гальванопластика или руководство къ воспроизведенію медалей, бюстовъ, обтягиваніе металлами издѣлій изъ дерева, стекла, картона, гипса и пр.—Къ никеливанию, золоченію и серебренію вс. вещей электро-гальваническимъ способомъ. Ц. 50 к. 10) Опыты съ электричествомъ, со мног. рисунками и чертежами. Ц. 50 к. 11) Руководство къ живописи брызгами, всякаго рода изящные и эффектные рисунки и картины, также живопись на деревѣ и пр. безъ всякой подготовки. Ц. 50 к. 12) Руководство къ работамъ изъ стружекъ и бересты. Ц. 50 к. 13) Руководство къ живописи масляными красками и къ реставрированію старыхъ карт. Ц. 50 к. съ перес. 14) Руководство къ литохромі, или искусство обращать иллюстраціи въ изящныя картины. Ц. 50 к. 15) Руководство къ живописи акварелью и пастелью. Ц. 50 к. 16) Руководство къ геліомінатурѣ (фотохромі) или искусство раскрашивать акварельными или масляными красками разного рода фотографическіе карточки, портреты, картины и пр. Ц. 50 к.

Примѣчаніе: Всѣ цѣны съ пересылкою. Высыпающе любыя 8 сочиненій вмѣстѣ, № 1—8, или № 9—16, высыпаютъ всего 2 руб. съ пересылкою.

Заказы исполняются немедленно.

№ 2549 1—1

1883

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрешенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИНАЯ ПОМАДА и ВОДА для уничтоженія перхоти на головѣ.

ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрепленія волосъ, употребление ея пріятно и освѣжительно.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибегаютъ некоторые фабриканты, принявши названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующие наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы:

„С.-Петербургская Химическая Лабораторія“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкова моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, угол Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора и оптовый складъ: по Измайловскому пр., въ собств. дома, № 21.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя съ вывескою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Р. № 2317 3—3

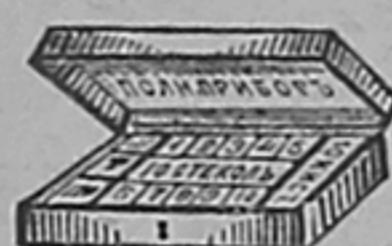
ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волинского, Невскій, 98, противъ Николаевской.

Ежедневно приемъ специалистами по всемъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ.

№ 2412

За Всероссійск. промышлен.

выставку 1882 года.



ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ „ЖИВОПИСЕЦЪ-САМОУЧКА“.

Полезный подарокъ для всякаго возраста.

Приборъ и брошюра для изученія живописи акварелью по бумагѣ, дереву, матеріи, стеклу и т. п., причемъ не требуется предварительного знанія рисования, и доступно по простотѣ способы даже дѣтямъ. Въ брошюре 14 объяснительныхъ рисунковъ и прибавленіе о геліомінатурѣ, — самомъ легкому способѣ раскрашивать фотографическія карточки, безъ знанія живописи.

Полный приборъ содержитъ: въ изящно полированномъ ящицѣ 10 шаблоновъ, кистей, 10 стеколъ, 10 разныхъ красокъ въ стеклянныхъ трубочкахъ, 1 стеклянную трубочку съ гумми-аррабой, 1 стеклянный шлифованный курантикъ, 1 акварель, кисточку, лекалы, шаблоны и рисунки. Цѣна прибора съ брошюрою 3 р., брошюра отдѣльно 50 коп., на пересылку и упаковку 1 руб.

Продается у издателя, гравера А. Койранского, Москва, Тверская, д. Саввинскаго подворья, противъ бриллантщика Махалова, и во всѣхъ лучшихъ эстамповыхъ магазинахъ.

Покупающіе у издателя могутъ видѣть образцы работы по этому способу и на глядко ознакомиться съ нимъ. Продавцамъ обыкновенная уступка. Ц. № 256 1—1

Страхованіе жизни.

Подробная свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюры (книжекъ) Страхового Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высыпаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургу (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи.

№ 2482

Издание А. Ф. Маркса въ С.-Петербургу.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ іп 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть Вс. С. Соловьевъ, второе изданіе. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Пересылка во всѣ страны свѣта подъ гарантію.



ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ЛАНИНА,

ВЪ МОСКВѢ;

удостоенныя МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемірныхъ выставкахъ и на послѣдней Все-российской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,

имѣются въ продажѣ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи. Съ НОВАГО ГОДА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ ПРОДАЖУ ПОДЪ НОВЫМЪ ЯРЛЫКОМЪ.

№ 2440 10—6

Олеографіи

собственнаго изданія подешевле для

Издателей, Торговцевъ и Экспортеровъ

новый иллюстриров. каталогъ без-

платно и франко.

Соответственныя золотыя рамы и листы по фабричнымъ цѣнамъ.

BERLIN S., Grimmstr. 7.

KARL KAULISCH,

олеографическое и хромолитографич- ское заведеніе. 7—2

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

№ 2555 Д-ра Ф. ЛЕНДІЛЯ, отъ загара, угрей, прыщей, веснушекъ и прочихъ нечистотъ кожи. Растительный соѣдъ вытекающій изъ березы преобразуетъ химическимъ путемъ въ бальзамъ, свѣтлый, прозрачный какъ вода; смачивать бальзамомъ вечеромъ лицо или другія мѣста кожи, отъ нея отдѣляются незамѣтныя чешуйки, что дѣлаетъ кожу необыкновенно нѣжно и придаетъ ослѣпительную блѣзину 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. Бензое мыло 40 и 50 к.

Сосновый экстрактъ (Pinus Silvestris), посредствомъ пульверизатора спрыскиваютъ комнату, черезъ это постоянно распространяется въ квартирѣ для сохраненія здоровья приятный запахъ и воздухъ сосноваго лѣса.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

№ 25. Невскій проспектъ, № 25.

гуттаперчевое перо РЕЙХА.

Цѣна за штуку 50 коп., съ пересылкою 70 коп. (почтов. марками). Главный складъ для всей Россіи: Контора О. П. Сазонова, Фонтанка, № 67 (на углу Гороховой улицы). С.-Петербургъ. № 2536 3—2

25% УСТУПКИ.

ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

всѣхъ системъ

для семействъ и мастерскихъ.

Ю. ШТЕРНЪ, бывшій Р. Л. Кохъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, д. Тура, № 21. Подробный прейс-курантъ высылается бесплатно.

Р. № 2533 2—2

СЪМЕНА

цветочныхъ, пальмовыхъ, огородныхъ, хлѣбныхъ и проч. растеній, луговыхъ и кормовыхъ травъ

свѣжія и лучшаго качества

имѣются въ продажѣ

въ ДЕПО СЪМЯНЪ О. Гуттцейтъ,

подъ фирмою „ГОРОДЪ ЭРФУРТЪ“.

Москва, Петровскія торговыя линіи, подъ

ѣздѣ № 2-ой.

Задатокъ, содержащий болѣе 3,000 сортовъ сѣмянъ, 250 большихъ рисунковъ, снятыхъ съ патруи и подробная наставленія обѣ уходѣ за посѣвами, депо просинъ высылать 30 коп. марками, которые возвращаются при заказѣ на сумму не менѣе 2-хъ руб.

П. № 2551 1—1

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

послѣ простоянки будетъ выходить съ 17 марта с. г.

Подпишись, получавшимъ „Русскій Вѣдомости“, будешь высылаться съ 17-го марта с. г. „Русскій Курьеръ“.

Подпишись на прежнихъ условіяхъ, въ конторѣ издания: Москва, Московрѣцій мостъ, д. Н. П. Ланина.

Подписывающіеся съ 17 марта с. г. приплачиваютъ за полмѣсяца 50 к.

Подпиской просятъ поспѣшить въ видахъ своевременной высылки газеты.

5—5 № 2501

